

На правах рукописи

Хавжокова Людмила Борисовна

**СИСТЕМА АДЫГСКОЙ ВЕРСИФИКАЦИИ:
ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ**

5.9.1. Русская литература
и литературы народов Российской Федерации

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Майкоп – 2024

Работа выполнена в секторе кабардино-черкесской литературы
ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ –
филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения
«Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр
Российской академии наук»

Научный консультант:

Баков Хангери Ильясович,
доктор филологических наук, профессор

Официальные оппоненты:

Кузнецова Анна Владимировна,
доктор филологических наук, профессор, профессор
кафедры отечественной и зарубежной литературы
ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

Кучукова Зухра Ахметовна,
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русской и зарубежной литературы
ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский
государственный университет им. Х.М. Бербекова»

Акамов Абусупьян Татарханович,
доктор филологических наук, главный
научный сотрудник отдела литературы
ФГБУН «Институт языка, литературы и искусства
им. Г. Цадасы Дагестанского федерального
исследовательского центра РАН»

Ведущая организация:

ФГБУН «Институт мировой литературы
им. А.М. Горького Российской академии наук» (г. Москва)

Защита состоится «17» октября 2024 года в 10:00 на заседании диссертационного совета Д 24.2.267.04 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук, на соискание ученой степени доктора филологических наук в ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет» по адресу: 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Д.А. Ашхамафа ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет» по адресу: 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Пионерская, 260, с диссертацией и авторефератом – на официальном сайте университета: <http://www.adygnet.ru> и на сайте ВАК: <http://vak.ed.gov.ru>

Автореферат разослан « » _____ 2024 года

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук

Г. В. Соколова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Исследование системы версификации представляет собой одну из сложных проблем, **актуальность** которой обусловлена непрерывно трансформирующейся и эволюционирующей природой стиха, развивающегося в каждую социальную эпоху и в различной лингвокультурной среде по-разному. Стихотворная речь признана «праязыком» человека и началом литературы. Начиная с XVIII в. подобные мнения встречаются в трудах философов, мыслителей, литературоведов, мастеров художественного слова, в числе которых Дж. Вико, И. Гердер, Г. Гадамер, Я. Парандовский, М. Шапир и др. В известной работе «Алхимия слова» польский писатель и литературовед Ян Парандовский отмечал, что «история каждой литературы начинается не с прозы, а с поэзии. Ибо то, что первым возвысилось над обиходной речью, было стихом, и часто он уже достигал совершенства задолго до того, как были сложены первые несмелые фразы художественной прозы»¹.

Художественно-стилевые и структурно-композиционные особенности стиха в их исторической динамике составляют ядро поэтики – «науки, изучающей поэзию как искусство»². «История поэзии, – отмечал известный теоретик литературы и исследователь стиха В.М. Жирмунский, – становится в один ряд с другими науками об искусстве, совпадая с ними в своем методе и отличаясь лишь особыми свойствами подлежащего ее ведению материала. Рядом с историей изобразительных искусств, историей музыки и театра она занимает место, как наука о поэтическом искусстве»³. Последнее (поэтическое искусство) включает поэтику историческую, сравнительную, теоретическую и практическую, составляющие базу функционирования как стиховедения, так и науки о поэзии в целом. Стиховедение, будучи разделом теории и истории литературы, основным объектом которого является одна из двух систем художественной речи – стихотворная речь, одновременно составляет главный раздел поэтики и включает области (ритмика, метрика, рифма, строфика), признанные известным стиховедом М.Л. Гаспаровым «традиционными областями» русского стиха⁴. Они же являются базовыми структурообразующими компонентами адыгского стиха.

Система версификации, являясь недостаточно разработанной областью, представляет несомненный научный интерес для современной литературоведческой и в целом филологической науки. Ее рассмотрение

¹ Парандовский Я. Алхимия слова. Олимпийский диск. М.: Прогресс, 1982. С. 27.

² Жирмунский В.М. Вопросы теории литературы: Статьи 1916–1926. Л.: Academia, 1928. С. 17.

³ Там же.

⁴ Гаспаров М.Л. Лингвистика стиха // Славянский стих: стиховедение, лингвистика и поэтика: материалы междунар. конф. (19–23 июня 1995 г.) / под ред. М.Л. Гаспарова, Т.В. Скулачевой. М.: Наука, 1996. С. 5.

в первую очередь предполагает исследование проблемы взаимоотношения стиха и языка. В теории национального стиха ее сложный и специфический характер обусловлен особенностями грамматического строя адыгских (адыгейского и кабардино-черкесского) языков. В первой половине XX в. во вступительной статье к книге «Кабардинский фольклор» М.Е. Талпа выделил некоторые особенности языка одного из адыгских субэтносов: «Попытка передать самый строй кабардинской речи при помощи русского языка, – писал он, – абсолютно безнадежна – настолько различны синтаксические системы и фразеология языков»⁵. Задолго до него адыгский просветитель А.-Г. Кешев описал свойства национальной речи, отметив неразрывную связь стиха и языка. В статье «Характер адыгских песен» он подчеркнул: «Краткая выразительность ее (черкесской песни – Л.Х.) стиха – обусловленная духом самого языка, – состоящего большей частью из двух-трех слов и отлитого наподобие изречения, пословицы, как бы нарочно рассчитана на то, чтобы резко, неизгладимо врезаться в память. Исказать подобный стих несравненно труднее, чем растянутый, затемняемый излишним обилием эпитетов стих других языков»⁶. Несмотря на такую тесную взаимокорреляцию стиха и языка, обозначенная проблема в адыгском стиховедении до сих пор остается малоизученной. Обозначенными фактами продиктована необходимость восполнения существующего пробела в рассмотрении вопросов взаимосвязи поэтики стиха и формирующих ее языковых факторов и закономерностей, а также в исследовании лингвопоэтики национального стиха как одного из значимых аспектов изучения адыгской версификации.

Актуальность темы исследования также обусловлена необходимостью комплексного изучения истории и теории адыгского устного (фольклорного) и письменного (литературного) стиха. В обобщающих трудах, посвященных становлению и развитию адыгской (адыгейской, кабардинской, черкесской) литературы, не разработаны теоретические вопросы поэзии и поэтики стиха. Так, например, система адыгского стихосложения не стала предметом исследовательского интереса авторов фундаментальных изданий «Очерки истории кабардинской литературы» (Нальчик, КБНИИ; на каб.-черк. яз. – 1965, на рус. яз. – 1968), «История адыгейской литературы» (Майкоп, АРИГИ. В 3-х тт.: 1999, 2002, 2006), «История адыгской (кабардино-черкесской) литературы» (Нальчик, ИГИ КВНЦ РАН. В 3-х тт.; на каб.-черк. яз. – 2010, 2013, 2017 (2021). Т. I. на рус. яз. – 2019) и др.

Проблемы национальной версификации не затрагивались или рассматривались лишь частично и в ряде известных монографических

⁵ Талпа М.Е. Кабардинский фольклор: Вступ. ст. // Кабардинский фольклор. М.–Л.: Academia, 1936. С. XIII.

⁶ Каламбий (Адыль-Гирей Кешев). Записки черкеса: Повести Рассказы. Очерки. Статьи. Письма. Нальчик: Эльбрус, 1988. С. 228.

исследований, посвященных эволюции адыгской поэзии, в том числе «Послевоенная кабардинская поэзия» (Нальчик, 1970) З.М. Налоева, «Национальное своеобразие и творческая индивидуальность в адыгской поэзии» (Майкоп, 1994) Х.И. Бакова, «Художественное своеобразие адыгейской поэзии» (Майкоп, 2003) Ш.Е. Шаззо и др. Особенности стихотворной речи также не стали предметом рассмотрения в научных изданиях, посвященных творчеству отдельных адыгских поэтов (А. Кешоков, З. Тхагазитов, И. Машбаш, А. Бицуев). И только в диссертационной работе «Поэзия Хабаса Бештокова: основные мотивы, жанровая система, поэтика» (2011) и монографических исследованиях «Поэтический мир Хабаса Бештокова» (2012), «Художественный мир Мухадина Бемурзова» (2014), «Эволюция системы адыгского стихосложения» (2022) нами предприняты попытки изучения техники поэтических произведений национальных авторов.

В целом за всю историю эволюции национального стиха проведено лишь два обобщающих исследования, по результатам которых изданы монографии «О кабардинском стихосложении» А.З. Пшиготыжева (Нальчик, 1981) и «Кабардинское стихосложение» А.Х. Хакуашева (Нальчик, 1998). Обе работы написаны на кабардино-черкесском языке и, как заметно по названиям, освещают лишь одну сторону исследуемой нами проблемы – кабардинскую версификацию. Между тем назрела необходимость ее комплексного, общеадыгского, рассмотрения в современном общероссийском контексте и введения полученных результатов в научный оборот на общедоступном – русском – языке. Важно также заметить, что с момента издания последней из указанных монографических работ прошло более четверти века. За этот период адыгская поэзия (как и вся литература) претерпела значительные изменения, в том числе в области художественно-поэтической и звуковой организации стиха. Обозначенные факты в очередной раз подтверждают **актуальность** и значимость теоретического обоснования главных вопросов становления и развития системы адыгской версификации. На сегодняшний день требуют осмысления (в некоторых случаях – переосмысления) и прояснения отдельные вопросы, не получившие достаточного освещения в предыдущих трудах: лингвопоэтический, этнокультурный и этноонтологический аспекты изучения стиха, влияние экстрастиховых факторов на развитие системы версификации, единство содержания и формы и т.д. Относительно последнего следует заметить, что исследование содержания в изолировании от формы (как и наоборот) не дает полного представления ни об отдельном произведении или жанре, ни об эволюции литературы в целом. Трудно не согласиться с мнением исследователя системы балкарского стихосложения К.К. Бауаева о том, что «читая стихи, мы воспринимаем не только их смысл. Мы ощущаем также и то, что

подказано формой их метра, ритма, рифм и строф. А каждая стихотворная форма, в свою очередь, вносит в поэтическое произведение ряд смысловых ассоциаций, накопившихся за период ее употребления в поэзии»⁷. В зависимости от содержания поэтического произведения, «одни размеры (стихотворные – Л.Х.) могут казаться высокими и торжественными, а другие мелкими и игривыми»⁸. Поэтому в диссертационной работе уделяется внимание содержательным признакам, принимающим участие в построении архитектоники стиха. Подобное комплексное исследование системы адыгской версификации представляется необходимым для разработки общих проблем и определения тенденций развития национальной поэзии.

Степень разработанности темы исследования. История изучения системы адыгской версификации восходит к XIX в. Первое упоминание о природе кабардинского стиха встречается в статье «Отрывки из путевых записок о Юго-Восточной России» русского поэта, историка и археолога-любителя С.Д. Нечаева, опубликованной в 1826 г. в журнале «Московский телеграф». Автор отмечает: «В стихотворениях Кабардинских, древних и новых, не нашел я правильного размера, но везде богатую рифму по образу Арабских и Персидских»⁹. В приведенном фрагменте С.Д. Нечаев пишет именно о стихах, а не о песнях. Из этого следует, что уже в первой половине XIX в. существовала авторская поэзия, отделившаяся от фольклора, хотя в настоящее время трудно найти доказательства, подтверждающие подобное мнение, поскольку не сохранились поэтические произведения, датирующиеся указанной эпохой. Возможно, первые стихи были созданы придворными или свободными певцами-песнетворцами (джегуако). По данным З.М. Налоева, «институт придворного джегуако, сложившийся, очевидно, во второй половине XV–XVI вв., просуществовал до второй половины XIX в. Он исчез в результате Кавказской войны. <...>. Институт придворного джегуако развивался параллельно со свободными бродячими джегуако – скоморохами»¹⁰.

Важно обратить внимание и на то, что С.Д. Нечаев утверждает наличие «богатой рифмы» в кабардинских стихах и уточняет их природу – «по образу Арабских и Персидских». Как известно, в древней арабоязычной, персоязычной, тюркоязычной поэзии, в целом, в поэзии восточных народов, доминировала тенденция рифмования всех конечных строк стиха (арабская поэзия, например, моноримична, т.е. все строки стиха

⁷ Бауаев К.К. Основы балкарского стихосложения. Нальчик: Эль-Фа, 1999. С. 5.

⁸ Там же.

⁹ Нечаев С.Д. Отрывки из путевых записок о Юго-Восточной России // Московский телеграф. 1826. Ч. 7. № 1. С. 37.

¹⁰ Налоев З.М. Институт джегуако. Нальчик: Тетраграф, 2011. С. 147.

связываются единой рифмой). Другим характерным свойством восточной поэзии является наличие редифа, «слова или группы слов, повторяющихся в стихе вслед за рифмой»¹¹, в котором некоторые ученые усматривают рифму («редифная рифма»), припев или эпифору. Однако в древних адыгских поэтических текстах (фольклорных источниках и ранней авторской поэзии), дошедших до наших дней, мы не обнаружили ни редифа, ни монорима, поэтому вопрос, о какой именно «богатой рифме» идет речь в высказывании С.Д. Нечаева, остается до сих пор невыясненным. Неопределенными остаются и предпосылки для классификации кабардинских стихов на «древние и новые» в то время, когда национальная поэзия находилась на стадии зарождения. Однако сам факт бытования подобной классификации свидетельствует об архаичных истоках национальной поэзии и системы адыгской версификации.

По мнению А.Х. Хакуашева, высказывание С.Д. Нечаева позволяет заключить, что первым исследователем адыгского стиха был ученый, просветитель Шора Ногмов. Согласно его предположениям, русский поэт, привыкший к концевой рифме, не мог знать природу национального стиха, в частности, фольклорную рифму, соединяющую конец одной строки с началом последующей. Следовательно, об особенностях адыгского стихосложения С.Д. Нечаеву рассказал сам Ш. Ногмов¹². Приведенная точка зрения представляется нам обоснованной, поскольку исследование стиха предполагает полное владение языком, на котором он создан.

Начиная с 30-х гг. XIX в. к вопросам поэтики национального стиха обращались разные ученые, большая часть которых исследовала особенности художественной и структурно-композиционной организации фольклорных песен и стихов. При этом подобные обращения не имели главной целью исследование системы адыгского стихосложения, а приводились в контексте изучения искусства и культуры этноса, устно-поэтического творчества, в частности описания характера адыгских народных песен. В числе наиболее известных работ следует указать «Записки о Черкесии» (раздел «Поэзия и музыка», 1836) Хан-Гирея, «Письма с Кавказа» (1861) Ф. Юхотникова, «О поэзии Черкесов» (1861) В. Кусикова, «Племя адиге» (1862) Т. Макарова, «Характер адыгских песен» (1869) А.-Г. Кешева, «Этнография Кавказа» (1888) П.К. Услара и др.

В период с 80-х гг. XIX в. до 20–30-х гг. XX в. в истории изучения системы адыгского стихосложения наблюдалась некоторая стагнация, связанная, как нам представляется, с трудным процессом перехода от фольклора к литературе и становлением профессиональной литературы.

¹¹ Квятковский А.П. Поэтический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1966. С. 238.

¹² Хакуашев А.Х. Кабардинское стихосложение [Адыгэ усэ гъэпсыкIэ]. Нальчик: Эльбрус, 1998. С. 36.

В указанную эпоху произошло столкновение взглядов сторонников традиционного адыгского стихосложения, выступавших за сохранение «привычной» для национального мышления системы и ее неотъемлемой составляющей – фольклорной рифмы, и реформаторов, стремившихся к выведению адыгского стиха на новый уровень развития. Вторую сторону представлял основоположник кабардинской литературы Али Шогенцуков, благодаря которому произошли существенные изменения в национальной версификации, в частности – переход от тонической системы к силлабо-тонической и введение концевой рифмы. Противоположную позицию занимали просветитель, ученый-языковед, поэт и педагог Т. Борукаев и русский поэт, критик, филолог-стиховед Г. Шенгели. Однако если первый из них выступал против «нововведений» А. Шогенцукова¹³, то второй лишь констатировал факт трансформации традиционной системы стихосложения в европейскую в результате реформы, проведенной А. Шогенцуковым¹⁴. В последующие годы о некоторых вопросах развития адыгского стиха и особенностях фольклорной рифмы писал русский ученый М.Е. Талпа¹⁵, который в основном опирался на известные факты и концепции, сформировавшиеся к тому времени.

Со второй половины XX в. проблемы стиховедения были освещены в трудах ряда адыгских исследователей, в частности в статьях «Стихосложение нартского эпоса» (1966) и «Строение кабардинского стиха» (1966) Б.И. Куашева, «Идейно-художественные особенности адыгских историко-героических народных песен» (1967) С.Ш. Аутлевой, «Об адыгейском стихосложении» (1970) Т.Н. Чамокова, «Поэтика и структура старинных адыгских песен» (1970) З.П. Кардангушева, «У истоков песенного искусства адыгов» (1980) и «Героические величальные и плачевые песни адыгов» (1986) З.М. Налоева, «К вопросу об эволюции поэтических форм адыгейского стиха» (1988) Н.М. Шикова, «К вопросу о звуковой организации произведений для детей в современной кабардинской поэзии» (2008) И.А. Кажаровой, «Специфика звуковой организации адыгского народного стиха» (2011) А.М. Гутова.

Различные аспекты эволюции системы национального стихосложения рассмотрены в ряде диссертационных исследований. Поэтика адыгейского народного стиха стала одним из объектов внимания в диссертационных работах «Адыгские историко-героические народные песни XVI–XVIII веков» (Тбилиси, 1964) С.Ш. Аутлевой, «О путях развития адыгейской советской литературы» (Тбилиси, 1967) А.А. Схалыхо, «Духовно-философские основы адыгейской поэзии и своеобразие ее

¹³ АС КБР. Ф. 276. Оп. 2. Ед. хр. 289. Л. 55.

¹⁴ Писатели Кабардино-Балкарии: лит. сборник / сост. Дж. Налоев. М.: Гослитиздат, 1935. С. 9.

¹⁵ Талпа М.Е. Кабардинский фольклор: Вступ. ст. // Кабардинский фольклор. М.–Л.: Academia, 1936. С. XIV.

художественной эволюции: проблемы поэтики и стиля» (Майкоп, 2005) Ш.Е. Шаззо. В кандидатской диссертации «Традиции и новаторство в адыгской поэзии и русско-адыгейские поэтические связи» Т.Н. Чамокова, защищенной в Майкопе в 1967 г., представлено комплексное решение проблем адыгейского стихосложения. В диссертационной работе Л.Н. Кагадзежовой «Двусложные размеры и логаэд в современном кабардинском стихосложении» (Нальчик, 2005), также представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук, изучены отдельные вопросы развития системы кабардинской версификации. Уточнение дат защит указанных работ имеет значение в плане демонстрации редкой периодичности обращения к рассматриваемой проблеме, что непосредственно коррелирует с ее сложностью.

Сложным характером исследуемой темы в определенной степени обусловлена и немногочисленность фундаментальных трудов, посвященных всестороннему изучению системы адыгской версификации. Кроме указанных выше монографических работ «О кабардинском стихосложении» (1981) А.З. Пшиготыжева и «Кабардинское стихосложение» (1998) А.Х. Хакуашева, в которых изучена лишь 1/3 часть рассматриваемой нами проблемы, в адыгском литературоведении нет обобщающих работ по истории и теории стиха.

Цель исследования непосредственно коррелирует с актуальностью и заключается во всестороннем изучении системы адыгской версификации от истоков до современности в единстве ее содержательной, лингвопоэтической и формально-поэтической характеристик. Достижение цели требует решения комплекса **задач**:

- ввести в научный оборот обобщенное представление об истории изучения системы адыгского стиха;
- исследовать генезис системы национального стихосложения;
- провести комплексный анализ фольклорного стиха;
- определить и систематизировать этапы эволюции адыгского литературного стиха;
- выявить особенности функционирования различных стихотворных размеров в адыгской поэзии;
- изучить ритмику адыгского стиха;
- проследить переход от фольклорной рифмы к концевой, определить особенности функционирования концевой рифмы в национальной поэзии;
- выявить специфику строфической структуризации поэтических произведений адыгских (адыгейских, кабардинских, черкесских) авторов.

Объект исследования – адыгейская, кабардинская, черкесская поэзия.

Предмет исследования – система адыгской версификации от периода становления до современности на материале общеадыгской

художественной словесности: поэтика фольклорных текстов и произведений ранней авторской поэзии, основные области и компоненты письменного стиха.

Материалом исследования послужили более 500 фольклорных текстов и около 25 000 (приблизительно 500 000 строк) литературных произведений. Проанализирована поэтика разножанровых композиций: благопожеланий (хохи), народных песен, нартских пшинатлей, первых авторских поэтических импровизаций, разновидностей письменного стиха – стихотворений, поэм, баллад, сонетов, венков сонетов, газелей, стихов-стрел, рубаи, триолетов, октав.

Теоретическую основу работы составили исследования отечественных литературоведов, в которых актуализированы проблемы поэтики стиха и вопросы стихосложения: А.И. Алиевой (1969, 2019), В.С. Баевского (1975), Н.А. Богомолова (2009), А.В. Бубнова (2018, URL: <https://reading-hall.ru/publication.php?id=22265&ysclid=lv3bt7b4ff766666496>), К.Д. Вишневого (1975), М.Л. Гаспарова (1974, 1984, 2000, 2001, 2003), Б.П. Гончарова (1973 а, 1973 б, 1977, 1978, 1982 а, 1982 б, 1985, 1987), В.П. Григорьева (1979), Б.Ф. Егорова (1973), В.М. Жирмунского (1921, 1923, 1928, 1974, 1975, 1977), А.Л. Жовтиса (1966, 1970, 1974), А.А. Илюшина (1982, 1984, 1986), С.В. Калачевой (1977, 1978, 1979), В.В. Кожина (2001), М.В. Ломоносова (1952), М.Ю. Лотмана (1970, 1972), В.В. Маяковского (1927), В.А. Никонова (1973), В.В. Онуфриева (URL: <https://www.chitalnya.ru/workshop/561/>), Ю.Б. Орлицкого (1991, 2002, 2021), И.И. Ревзина (1977), П.А. Руднева (1968), Е.Г. Сафроновой (1978), И.Л. Сельвинского (1973), Л.И. Тимофеева (1958, 1971, 1979, 1982), Б.В. Томашевского (1959 а, 1959 б), В.К. Третьяковского (1963), М.Г. Харлапа (1985), В.Е. Холшевникова (1972, 1991, 2004), Г.А. Шенгели (1960), С.В. Шервинского (1961), Б.М. Эйхенбаума (1922, 1969), Е.Г. Эткинда (1970).

В работе нашли применение теоретические концепции северокавказских литературоведов по рассматриваемой проблеме. Особенно релевантными для нашего исследования стали труды С.Ш. Аутлевой (1964, 1967, 1973), Х.И. Бакова (2012, 2017, 2019), А.М. Гадагатля (1967), А.М. Гутова (2000, 2009, 2011 а, 2011 б, 2014, 2022), Л.Н. Кагазежевой (2005 а, 2005 б, 2005 в), А.-Г. Кешева (Каламбия) (1869, 1988), З.П. Кардангушева (1970), И.А. Кажаровой (2018), Х.Г. Кармокова (1996), Т.М. Керашева (1932), Д.Г. Костанова (1958), Б.И. Куашева (1966 а, 1966 б), З.А. Кучуковой (2005), З.М. Налоева (1970, 1968, 1978, 1980, 2009, 2011), А.З. Пшиготыжева (1980, 1981), А.А. Схалыхо (1967), А.Х. Хакуашева (1957, 1984, 1998), Хан-Гирея (1974, 1978, 1989), Т.Н. Чамокова (1967 а, 1967 б, 1968, 1970), П.К. Чекалова (2000 а, 2000 б), Ш.Е. Шаззо (2005, 2009), Н.М. Шикова (1988), А.О. Шогенчукова (1950).

Для изучения заявленной проблемы также привлекались работы русских исследователей, в которых в различной степени затрагивалась специфика звуковой организации национального стиха. В том числе издания и публикации В. Кусикова (1861), Т. Макарова (1862), С.Д. Нечаева (1826), М.Е. Талпы (1936), П.К. Услара (1888), Ф.В. Юхотникова (1861).

Сравнительно-историческое и типологическое исследование системы адыгского стиха также проведено с опорой на труды М.-З.А. Аминова (1974), Х.М. Аминовой (1999 а, 1999 б), А.Г. Гусейнаева (1979) по дагестанскому стихосложению, З.А. Ахметова по казахской версификации (1964), К.К. Бауаева (1998, 1999) по системе балкарского стиха, В.Л. Цвиная (1987) по абхазскому стихосложению.

Методологическая база исследования. По справедливому замечанию швейцарского филолога и специалиста по германистике А. Хойслера, «в теории стиха каждый говорит на собственном языке и пользуется своими терминами»¹⁶. К этому следует добавить, что каждый теоретик стиха имеет свой подход к анализу поэтического произведения. В истории отечественного стиховедения отчетливо проявилось несколько направлений, которые в определенной степени повлияли и на ход исследований по изучению адыгского стиха. Первое из них основано на *вероятностной статистике*. В центре исследовательского внимания его представителей (М.Л. Гаспаров, А.Н. Колмогоров, А.В. Прохоров и др.) были элементы, исследуемые с помощью статистических методов, – метрико-рифмовочный комплекс и строфика. При этом неисследованными оставались другие, не менее важные, компоненты стиха, в том числе интонационно-синтаксическая организация, ритмика. По мнению некоторых представителей указанного направления, следовало создать стиховедение как «особую отрасль филологической науки со своим объектом изучения и со своими методами», главным из которых стала бы «математическая статистика»¹⁷. Однако такой подход к изучению стиха изолировал бы его от естественного контекста существования – поэзии, и перенаправил бы функции его изучения из области истории и теории литературы в плоскость других наук – вероятностной статистики, например.

В рассматриваемом вопросе мы разделяем точку зрения представителей другого направления (Б.П. Гончаров, В.В. Кожин, Л.И. Тимофеев), состоящую в том, что «статистические подсчеты настолько формализуют и нивелируют реальное звучание стиха, что могут охарактеризовать в основном только стихообразующие особенности языка»¹⁸.

¹⁶ Цит. по: Харлап М.Г. О понятиях «ритм» и «метр» // Русское стихосложение. Традиции и проблемы развития / отв. ред. Л.И. Тимофеев. М.: Наука, 1985. С. 11.

¹⁷ Баевский В.С., Руднев П.А. Стихорусистика-73 // Известия Академии наук СССР. Сер. литературы и языка / гл. ред. Д.Д. Благой. М.: Наука, 1975. Т. 34. Вып. 5. С. 440.

¹⁸ Гончаров Б.П., Кожин В.В., Тимофеев Л.И. О путях развития современного стиховедения (вместо введения) // Русское стихосложение. Традиции и проблемы развития. М.: Наука, 1985. С. 7.

Обозначенная проблема переориентации стиховедческих задач более подробно рассмотрена в трудах Л.И. Тимофеева и Б.П. Гончарова. Ориентируясь на структуральную лингвистику, эти исследователи во главе с Ю.М. Лотманом придерживались мнения о необходимости «дополнения статистических методов *структурными* (курсив наш – Л.Х.)»¹⁹. В частности, предлагалось создать «типовую методику анализа» стиха. Промежуточной оказалась позиция И.И. Ревзина, подчеркнувшего, что «статистические методы <...> дают лишь общую оценку информации, а не ее качественный анализ. Этот анализ принципиально столь сложен, что пока большие произведения большой литературы не могут еще изучаться структурными методами»²⁰. Таким образом, во второй половине XX в. исследователями отечественного стиха были продолжены поиски универсальных методов и подходов к анализу поэтических произведений и изучению специфики стихотворной речи.

В 60–80-е гг. XX в. основное внимание стиховедов (М.Л. Гаспаров, В.П. Григорьев, Б.В. Томашевский и др.) акцентировалось на проблеме взаимоотношения стиха и языка, которая была актуализирована задолго до них, двумя столетиями ранее, а именно в работах «Новый и краткий способ к сложению российских стихов с определениями до сего надлежащих званий» (1735) В.К. Тредиаковского и «Письмо о правилах Российского стихотворства» (1739) М.В. Ломоносова. В них отмечалось, что «... способ сложения стихов весьма есть различен по различию языков»²¹, поэтому «... российские стихи надлежит сочинять по природному нашего языка свойству, а того, что ему весьма несвойственно, из других языков не вносить»²². Отмечая важную роль языка в организации поэтического текста, некоторыми последователями В.К. Тредиаковского и М.В. Ломоносова язык признавался «материалом стиха»²³, а в известном труде В.П. Григорьева «Поэтика слова» стихотворный язык был представлен как «модус ПЯ (поэтического языка – Л.Х.)»²⁴.

Обозначенной проблеме посвящена одноименная монография Б.В. Томашевского «Стих и язык», в которой отмечается что «ритм стиха строится

¹⁹ См.: Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. Л., 1972. С. 6, 34; Тимофеев Л.И. По воле истории. М., 1979. С. 269; Тимофеев Л.И. Слово в стихе. М., 1982. 342 с.; Гончаров Б.П. О структурализме в стиховедении // Филологические науки. 1973 б. № 1. С. 3–17.

²⁰ Ревзин И.И. Современная структурная лингвистика: проблемы и методы. М.: Наука, 1977. С. 206.

²¹ Цит. по: Тредиаковский В.К. Новый и краткий способ к сложению российских стихов с определениями до сего надлежащих званий // Тредиаковский В.К. Избранные произведения. 2-е изд. М.–Л.: Советский писатель, 1963. С. 366.

²² Цит. по: Ломоносов М.В. Письмо о правилах Российского стихотворства // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 7: Труды по филологии 1739–1758 гг. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 9–10.

²³ Гаспаров М.Л. Современный русский стих: метрика и ритмика. М.: Наука, 1974. С. 469.

²⁴ Григорьев В.П. Поэтика слова: На материале русской советской поэзии. М.: Наука, 1979. С. 52.

на природе самого языкового материала»²⁵. Однако в этой же работе исследователь исключил непосредственную обусловленность системы стиха особенностями языка: «Ритмический закон стиха, конечно, не вытекает механически из свойств языка: иначе все бы говорили и писали стихами»²⁶.

Один из первых исследователей адыгского стиха А.З. Пшиготыжев, отмечая тесную взаимосвязь стиха и языка, одновременно отрицал факт полной зависимости системы стихосложения от языковых факторов: «Стихосложение произрастает (т.е. формируется – Л.Х.) из фонетического строя языка, – писал он. – Язык изначально обуславливает структуру и мелодику стиха. Но система стихосложения зависит не только от фонетики. Было бы так – все бы говорили стихами. Кроме как от самого языка, стиховая система зависит от характера взаимосвязи языка и архитектоники стиха»²⁷.

О роли звукового строя языка в формировании системы версификации также писал исследователь русского стиха В.Е. Холшевников, отмечавший, что «в основу системы стихосложения, в основу ритмической структуры стиха может лечь только существенный признак фонетической системы языка, отчетливо воспринимаемый слухом»²⁸.

Исследователь абхазского стиха В.Л. Цвинария не только отметил факт глубокой взаимосвязи стиха и языка, но и подчеркнул непосредственную обусловленность формирования первого из них вторым. По его мнению, «...поэзия <...> интимнейшим образом связана с *народившей* (курсив наш – Л.Х.) ее стихией – языковым материалом»²⁹. О естественной, природно-обусловленной, зависимости стиха от языка в свое время писал и Л.И. Тимофеев, утверждавший, что «ритмическая организация речи определяется природой языка, представляет собой языковое явление»³⁰.

Исследуя вопросы стихосложения основоположника и классика кабардинской литературы Али Шогенцукова, А.Х. Хакуашев также отмечал, что поэт «учитывая связь языка с поэтикой, в своей работе над улучшением, совершенствованием кабардинского стихосложения в первую очередь *исходил из внутренних законов и норм кабардинского языка* (читать «кабардино-черкесского языка»; курсив наш – Л.Х.), что в

²⁵ Томашевский Б.В. Стих и язык: Филологические очерки. М.–Л.: ГИХЛ, 1959. С. 67.

²⁶ Там же. С. 29.

²⁷ Пшиготыжев А.З. О кабардинском стихосложении [Адыгэ усэ гъэпсыкIэ]. Нальчик: Эльбрус, 1981. С. 8.

²⁸ Холшевников В.Е. Основы стиховедения: Русское стихосложение. 5-е изд. М.: Академия, 2004. С. 9.

²⁹ Цвинария В.Л. Абхазское стихосложение. Метрика. Ритмика. Композиция. Сухуми: Алашара, 1987. С. 7.

³⁰ Тимофеев Л.И. Особенности стихотворного языка. Системы стихосложения // Основы теории литературы. М.: Просвещение, 1971. С. 273.

основном и определило жизненность нового (силлабо-тонического – Л.Х.) стихосложения»³¹.

Приведенные концепции взаимосвязи стиха и языка, точнее – зависимости стиха от особенностей языкового строя, на котором он создается, подтверждают национальную маркированность стиховой системы. Это характерное свойство версификации впервые было замечено Б.В. Томашевским: «Как бы ни был специфичен и своеобразен строй стиха, – писал он, – этот строй принадлежит языку и неповторим за пределами национальных форм речи. В этом причина того, что поэзия остается всегда наиболее национальной формой искусства»³². Именно поэтому исследователь утверждал, что «поставить вопрос о национальном своеобразии стихотворных систем можно только тогда, когда выяснена будет связь между стихом и языком»³³.

Лингвокультурная природа системы стихосложения и значимость языкового фактора в ее формировании и эволюции также отмечена исследователем абазинского стиха П.К. Чекаловым. С его точки зрения, «прежде, чем изучать специфику национального стиха, необходимо установить некоторые языковые закономерности, на которых и базируется стих...»³⁴.

Принимая во внимание, с одной стороны, неразрывную корреляцию языка и стихотворной речи, с другой, следует отметить, что ограничение стиховедческого анализа только лингвистическим аспектом приведет к неполному охвату всех художественных связей, присутствующих в поэтическом произведении. В рассмотрении данной проблемы мы придерживаемся мнения Б.П. Гончарова, В.В. Кожина, Л.И. Тимофеева, утверждавших, что «в конкретном стихотворном произведении появляются новые системные связи, перестраивающие общезыковые закономерности под влиянием художественных, экстрастиховых факторов»³⁵. Именно поэтому группа упомянутых выше ученых поддержала идею об «анализе стиха как явления стиля произведения», предложенную В.М. Жирмунским. В статье «К вопросу о стихотворном ритме» он писал, что «все элементы языка <...> должны рассматриваться в стихотворении как явления стиля (курсив наш – Л.Х.) и служить тем самым выражению его идейно-художественного содержания»³⁶.

³¹ Хакуашев А.Х. Некоторые вопросы стихосложения Али Шогенцукова // Сборник статей о кабардинской литературе. Нальчик: Кабардино-Балкарское кн. изд-во, 1957. С. 219–220.

³² Томашевский Б.В. Стих и язык: Филологические очерки. М.–Л.: ГИХЛ, 1959. С. 68.

³³ Там же. С. 10.

³⁴ Чекалов П.К. Абазинское стихосложение: истоки и становление: дис. ... д-ра. филол. наук. Ставрополь, 2000. С. 57.

³⁵ Гончаров Б.П., Кожин В.В. Тимофеев Л.И. О путях развития современного стиховедения (вместо введения) // Русское стихосложение. Традиции и проблемы развития. М.: Наука, 1985. С. 5.

³⁶ Жирмунский В.М. К вопросу о стихотворном ритме // Историко-филологические исследования. М.: Наука, 1974. С. 36.

Учитывая многочисленные связи поэтики, в частности стиховедения, с другими науками, размытость границ ее функционирования, а также отсутствие конкретного перечня методов исследования, указанные выше ученые (Б.П. Гончаров, В.В. Кожин, Л.И. Тимофеев) пришли к выводу о том, что «комплексный литературоведческий анализ стиха возможен на основе *системного анализа* (курсив наш – Л.Х.), при взаимодействии с данными других родственных наук, прежде всего языкознания (в том числе экспериментальной фонетики), психологии (в первую очередь психологии речи), искусствознания; эти науки являются естественными союзниками литературоведения при изучении стихотворной речи»³⁷. При этом, на наш взгляд, главное исследовательское внимание должно быть акцентировано на лингвокультурном аспекте, поскольку любое поэтическое произведение (в принципе, как и прозаическое) создается внутри определенной языковой картины мира, оказывающей значительное влияние как на его идейно-тематическую, так структурно-композиционную организацию, а в нашем случае – также на развитие всей системы стихосложения. Вслед за процитированной группой исследователей во главе с Б.П. Гончаровым считаем, что системный подход, состоящий в «содержательном познании стихотворной речи как художественного объекта со своей специфической иерархией художественных связей, раскрывающихся прежде всего в поэтическом произведении»³⁸, предоставляет возможность для наиболее полного комплексного и всестороннего анализа стиха.

Как подтверждается вышеизложенным, проблема определения методов и подходов к изучению поэтики, в частности техники стиха, является одной из самых сложных и не имеющих до настоящего времени однозначного решения в силу непрерывных трансформаций, происходящих как в поэзии в целом, так и внутри системы версификации. Тем не менее она вторична по отношению к проблеме разграничения прозы и поэзии, т.е. прозаической и поэтической (стихотворной) речи, от понимания которой во многом зависит направление исследования стиха, выбор методологического инструментария его анализа. Восприятие стиха в качестве определенной (отличающейся от прозы) формы организации речи, предполагает исследование, акцентированное на его отдельных структурообразующих компонентах (ритмика, метрика, рифма, строфика), а восприятие стиха как уникальной системы мышления позволяет признать стиховедение самостоятельной и значимой областью филологической науки. При этом следует заметить, что исследование стиха лежит не только в плоскости литературоведения и лингвистики, но выходит и на

³⁷ Гончаров Б.П., Кожин В.В., Тимофеев Л.И. О путях развития современного стиховедения (вместо введения) // Русское стихосложение. Традиции и проблемы развития. М.: Наука, 1985. С. 5.

³⁸ Там же.

другие сферы науки (статистика, физика, психология и пр.) и искусства (музыковедение). Данным фактом в очередной раз подтверждается необходимость системного подхода к исследованию стиха, включающего анализ как формальных (структурно-композиционных – ритмика, метрика, рифма, строфика), так и языковых (от фонемного до синтаксического уровня; лингвопоэтика, художественная организация текста) аспектов с учетом особенностей лингвокартины мира, в рамках которой создано исследуемое поэтическое произведение. Целесообразность применения метода системного анализа также обусловлена самой природой стиха, представляющего собой сложную и исторически подвижную систему, в которой интегрированы элементы (звуки, слова, сочетания слов, фразы, строфы), упорядоченные по определенным художественно-поэтическим законам.

Методы исследования. Основной методологический принцип, используемый в диссертации, – системный анализ, включающий некоторые общенаучные (анализ, синтез, аналогия, формализация, сравнение и т.д.), статистические (статистическое наблюдение, группировка и сводка материалов наблюдения, графический анализ и др.), математические (регистрация, ранжирование) методы. В работе также использованы сравнительно-исторический и сравнительно-типологический методы, позволившие изучить систему адыгского стиха в общем, национальном и отечественном, историко-культурном контексте. В определенных случаях применялись лингвистические методы – описательный, структурный (таксономический). Обозначенные методы нашли в работе интегративное, системное применение, что позволило воссоздать общую картину становления и эволюции адыгской версификации.

Гипотеза исследования. Тенденция эволюционной динамики адыгской версификации от фольклора к литературе и, соответственно, от древности к современности состоит в постепенном сближении поэтического и прозаического слога, «освобождении» стиха от «искусственных рамок» традиционных стихотворных форм, и, как результат, в создании логэдов, строфоидов, дисметрических и безрифменных композиций, стихотворений в прозе. Вместе с тем в истории национального стиха прослеживаются случаи возвращения (как на уровне одного произведения, творчества одного поэта, так и целого поколения авторов) к «поэтическому слогу прошлого» в целях сохранения начальных форм поэзии или в виде полемики с новаторскими явлениями в ней.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем **впервые:**

– проведен комплексный анализ системы общеадыгского (адыгейского, кабардинского, черкесского) устного и письменного стиха от этапа генезиса до современности;

– в диахроническом и синхроническом аспектах изучены «традиционные» (по М.Л. Гаспарову) компоненты адыгского стиха – ритмика, метрика, рифма, строфика, что позволило воссоздать целостную картину эволюции системы национальной версификации;

– прослежен процесс становления и трансформации отдельных компонентов и всей системы адыгского стихосложения: от фольклорного стиха к литературному, от тоники к силлаботонике, от народной (фольклорной) рифмы к «двойной» и далее к концевой рифме, от конвенционального к «интегральному» (по А.В. Бубнову) стиху;

– система стиха рассмотрена как явление этно- и лингвопоэтического стиля и идиостиля адыгских авторов с учетом экстрастиховых факторов, определяющих как его содержание, так и версификационное оформление;

– определена роль версификации в формировании некоторых жанров и жанровых форм адыгской поэзии – газели, рубаи, триолета, сонета, венка сонетов и др.;

– обозначены тенденции развития силлабо-тонических размеров, установлено их процентное соотношение в масштабе поэзии трех адыгских субэтносов (адыгейцев, кабардинцев, черкесов) и на обширном материале разножанровых поэтических композиций, созданных на двух литературных языках (адыгейском и кабардино-черкесском);

– доказан факт обновления жанровой и версификационной систем современного адыгского стиха.

Теоретическая значимость исследования. Выводы и заключения диссертации, призванной воссоздать целостную картину эволюции системы адыгского фольклорного и литературного стиха и восполнить пробел в изучении поэтики национальной поэзии в целом, подчеркивают ее научно-теоретическую значимость. Результаты исследования направлены на углубление и пополнение научных знаний о системе адыгской версификации, расширение теоретических представлений об универсальных и этноспецифических закономерностях развития современных литератур народов Российской Федерации.

Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты могут найти применение при написании научно-теоретических и учебно-методических работ, разработке справочных изданий, учебного курса по истории адыгской поэзии, спецкурса по адыгскому стихосложению, а также при проведении лингвистических, культурологических и лингвокультурологических исследований.

На современном этапе адыгская поэзия достигла высокого уровня развития. В ней представлено многообразие жанров, жанровых форм, стихотворных размеров и их различных вариаций, разновидностей рифм, клаузул, строфических конструкций. В системе версификации

существуют и взаимодействуют главные области и компоненты стиха – метрика, ритмика, рифма, строфика. В рамках ее функционирования с охватом адыгейской, кабардинской, черкесской литератур на сегодняшний день накоплен обширный художественный материал, исследование которого привело к **положениям, выносимым на защиту**:

1. Тенденции эволюции системы адыгского стихосложения определены структурой адыгских (адыгейского и кабардино-черкесского) языков. Динамическая природа ударения в этих языках позволила освоить все основные размеры силлабо-тонической версификации, из которых двусложные хорей и ямб получили наибольшее развитие и распространение.

2. В двусложных размерах наблюдается доминирование четырехстопных вариаций, что также обусловлено языковыми особенностями. В адыгских языках, как и в русском, в четыре двусложные стопы (от 7 до 9 слогов), как правило, уместается одна синтаксическая конструкция (законченная мысль, предложение), что эквивалентно одной поэтической строке. В двух- и трехстопных вариациях одна синтаксическая конструкция (простое предложение) чаще всего разбивается на две и более строки. В объемные пяти-, шести-, семи-, восьмистопные вариации так же, как и в четырехстопные, уместается одно развернутое или два коротких предложения. Однако при таком построении стиха возникают определенные сложности технического характера и по поэтике своей стихотворная речь сближается с прозаической. В связи с обозначенными обстоятельствами четырехстопная вариация оказалась наиболее удобной в плане строфической структуризации стиха.

3. Двухстопные и трехстопные вариации чаще всего встречаются в произведениях, созданных трехсложными размерами (дактиль, амфибрахий, анапест), а многостопные (пяти-, шести-, семи-, восьмистопные) – в двусложных хорее и ямбе. В адыгской поэзии также объективированы разностопные формы всех стихотворных размеров. Схемы чередования разноколичественных стоп в таких композициях непредсказуемы, т.е. не регламентированы какими-либо правилами.

4. Трехсложные размеры и их стопные вариации представлены в творчестве адыгских поэтов всех поколений. По частоте применения ведущее место занимает амфибрахий. По количеству стопных вариаций амфибрахий и дактиль занимают одинаковые позиции с уровнем в пять стоп, анапест развит до четырехстопной вариации.

5. «Интегральные стихи», в частности логэады и верлибры, являются неотъемлемыми элементами системы адыгского стихосложения и занимают 7 % от общего объема исследованного художественного материала. Актуализация этих форм организации поэтического текста относится к 90 гг. XX в. и продолжается по настоящее время. По сравнению с

начальным и последующими несколькими этапами эволюции национальной поэзии, в современную эпоху встречается больше логаядов, верлибров и других «интегральных» композиций.

6. В метрической системе адыгского стиха по частоте использования и степени распространенности конвенциональные («традиционные» силлабо-тонические) и «интегральные» (логаяды и верлибры) стихи состоят между собой в следующих процентных соотношениях: 1) хорей – 34 %, 2) ямб – 32 %, 3) амфибрахий – 15 %, 4) анапест – 8 %, 5) дактиль – 4 %, 6) верлибр – 5 %, 7) логаяд – 2 %.

7. Рифма в адыгской поэзии, так же, как и система версификации в целом, претерпела серьезные трансформации в эпоху формирования литературного стиха. В творчестве поэтов старшего поколения, заложивших основы профессиональной литературы, преимущественно использовалась фольклорная рифма. Начиная с 20–30-х гг. до середины XX в. она продолжила свое существование в сочетании с концевой рифмой (в виде «двойной рифмы»), при явном доминировании последней. В современной поэзии развиты все основные разновидности концевой рифмы (перекрестная, парная, кольцевая) и их вариации (тавтологическая, омонимическая, авторская и т.д.). По частоте применения ведущее место занимает перекрестная рифма, за ним следует парная рифма, на третьей позиции – кольцевая рифма. В многострочных строфах встречаются смешанные схемы рифмовки с участием всех отмеченных разновидностей рифм.

8. Просодические возможности адыгейского и кабардино-черкесского языков позволяют использование в национальном стихе мужской, женской, дактилической и гипердактилической клаузул. В профессиональной поэзии представлены первые три разновидности, редкие образцы гипердактилической клаузулы встречаются в фольклорных текстах. Из трех разновидностей, функционирующих в литературном стихе, мужская и женская клаузулы употребляются с одинаковой частотностью (50 % : 50 %), по сравнению с ними дактилическая клаузула применяется значительно реже.

9. Строфика современного адыгского стиха представляет собой объемную систему, включающую различные по количественному составу разновидности строф – от двух- до четырнадцатистрочной. Многие из них, наряду с рифмой, выполняют жанрообразующие функции, благодаря которым в адыгской поэзии удачно освоены газель, рубаи, триолет, английская и итальянская формы сонета.

10. Из всех архитектурных форм адыгского стиха наиболее развита четырехстрочная строфа (катрен) с перекрестной рифмовкой и синтаксической конструкцией, включающей одно-два предложения. В числе наиболее распространенных также шести- и восьмистрочные

строфы. Многострочные строфы (от 9 до 13 строк) чаще всего представляют собой деструктивные образования без определенной метрики и форм рифмовки. Четырнадцатистрочная композиция представлена в виде сплошного сонета или простого четырнадцатистрочника.

На основе выдвинутых положений формулируется **главный вывод** исследования, заключающийся в следующем: *На современном этапе эволюции национальной художественной словесности адыгская версификация сложилась как целостная система, в которой разнообразны способы, формы, приемы организации поэтического текста. В ней действуют универсальные правила структурирования стиха в уникальном этноментальном преломлении.*

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Тема, проблематика, цели и задачи исследования, а также положения, выносимые на защиту, реализованные в полном объеме в диссертации, соответствуют паспорту специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации по следующим направлениям: п. 12. Индивидуально-писательское и типологическое выражения жанрово-стилевых особенностей в их историческом развитии; п. 17. Многообразие связей художественной литературы с сочинениями историков и философской мыслью; п. 21. Методология изучения историко-литературного процесса; п. 22. В части: Литературное краеведение; п. 23. Связи русской литературы с литературами народов России; п. 26. Взаимодействие литературы с другими видами искусства. Некоторые положения диссертации затрагивают смежные специальности: 5.9.3. Теория литературы, 5.9.4. Фольклористика, 5.9.5. Русский язык. Языки народов России.

Степень достоверности и апробация работы. Достоверность результатов исследования обеспечивается значительным объемом иллюстративного материала, отобранного из фольклора и литературы трех адыгских субэтносов (адыгейцев, кабардинцев, черкесов), созданного на двух литературных языках (адыгейском и кабардино-черкесском), а также применением обширного комплекса методов исследования.

Основные положения и научные результаты исследования обсуждены на расширенном заседании секторов адыгского фольклора и кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», представлены на международных конференциях «Национальные образы мира в художественной культуре: к 85-летию Г.Д. Гачева» (Нальчик, 2014), «Кавказские языки: генетико-типологические общности и ареальные связи» (Махачкала, 2016), «Культурное наследие древних и национальных языков в период

глобализации» (Армавир, 2018), «Кавказская филология: история и перспективы. К 90-летию Мухадина Абубекировича Кумахова» (Нальчик, 2018); всероссийских конференциях «Евгений Шварц и проблемы развития отечественной литературы XX века» (Майкоп, 2021), «Бемурзовские чтения-2021» (КЧР, Хабез, 2021); региональных конференциях «Социально-культурная трансформация народов Северного Кавказа в российском цивилизационном пространстве (1917–2017 гг.): взгляд сквозь столетие» (Нальчик, 2017); «Социально-культурная и историческая общность Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии: традиции, современность, перспективы развития» (Черкесск–Карачаевск, 2019); «Человек. Писатель. Ученый. Творческая индивидуальность Б. Утижева. К 80-летию со дня рождения» (Нальчик, 2021).

Содержание диссертационной работы нашло отражение в монографиях «Поэтический мир Хабаса Бештокова» (Нальчик, 2012), «Художественный мир Мухадина Бемурзова» (Нальчик, 2014), «Эволюция системы адыгского стихосложения» (Нальчик, 2022); сборнике научных статей «Этюды об адыгских (кабардинской, черкесской, адыгейской) литературах» (Нальчик, 2018); коллективных изданиях «Адыгские (адыгейские, кабардинские, черкесские, черкесского зарубежья) писатели XIX–XXI вв. Биобиблиографический словарь» (Нальчик. Т. I – 2021, Т. II – 2022, Т. III – 2023), «Адыги: Адыгейцы. Кабардинцы. Черкесы. Шапсуги». Серия «Народы и культуры» (М., 2022); в 2 статьях в журналах, входящих в базу данных Web of Science; 24 статьях в журналах, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ; 28 публикациях в других научных журналах и сборниках. Общий объем опубликованных работ по теме диссертации – 122,5 п.л.

Структура диссертации (общим объемом 434 страницы) определена целью, задачами, объектом и предметом исследования. Работа состоит из введения, пяти глав, заключения, списка источников и литературы (370 наименований), списка условных сокращений и обозначений, а также приложения, включающего список источников иллюстративного материала (141 наименование).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** представлено обоснование актуальности, научной новизны, теоретической и практической значимости работы, обозначена теоретико-методологическая база, определена степень научной разработанности темы диссертации, сформулированы положения, выносимые на защиту, выведена базовая гипотеза исследования, описана структура работы, приведены сведения об апробации результатов.

Первая глава «ГЕНЕЗИС СИСТЕМЫ АДЫГСКОЙ ВЕРСИФИКАЦИИ» состоит из двух параграфов, каждый из которых включает по два подпараграфа. В параграфе 1.1. «**Стихосложение в адыгском фольклоре**» исследуется метрико-ритмическое и рифменно-строфическое строение адыгского народного стиха. В подпараграфе 1.1.1. «**Ритмика и рифма фольклорного стиха**» отмечается, что история формирования адыгской версификации восходит к фольклорным песням и ранним стихотворным импровизациям. Из всех компонентов этой системы первой была сформирована *ритмика*, взявшая начало в старинных трудовых и обрядовых песнях и продолжившая свое развитие в лиро-эпических песнях и стихах нартского эпоса, а также в других фольклорных лирических, эпических и историко-героических песнях.

Одна из особенностей поэтики ранних трудовых песен заключается в доминировании ритма над текстом, который, однако, начал сдавать позиции и отходить на второй план параллельно с усилением роли других компонентов. Есть основания связывать это с возрастающей ролью поэтического слова, что естественным образом приводило к возникновению устного народного декламационного стиха как явления (благопожелания – *хъуэхъу*, проклятия – *гыбзэ*, риторические обращения, устные послания – *Юпщын*, словесные игровые ристалища и пр.). Этот процесс протекал медленно и с некоторыми перерывами. Превалирующий характер ритма над другими компонентами стиха ослабился лишь с преодолением синкретизма в фольклоре и возникновением новых жанров и жанровых форм, таких как сатирические, юмористические поэтические импровизации, стихи для детей, о животных (так называемые «сетования животных»), растениях, пейзажные зарисовки. При незначительном количестве подобных произведений весьма значимой оказалась их роль в формировании самостоятельной поэтической композиции, «освободившейся» от мелодии (музыкальной ритмики), и выработавшей собственные внутренние законы и механизмы развития, которые определили основные векторы эволюции системы стихосложения. В этой системе, кроме ритмики, отчетливо начал проявляться другой не менее важный компонент – *рифма*.

Рифма в адыгском фольклоре стала объектом внимания многих исследователей: Хан-Гирея, А.-Г. Кешева (Каламбия), Ф.В. Юхотникова, Б.И. Куашева, М.Е. Талпы и др. Однако не всеми из них выявлены ее специфические свойства, особенности формирования и функционирования, чем и объясняется бытование в адыгском стиховедении множества терминов и определений данного явления: «гармонические созвучия, подчиненные правилам как бы некоторого рода искусства» (Хан-Гирей), «рифма» (А.-Г. Кешев), «своего рода рифма между конечным словом стиха и начальным следующего, рифма, состоящая в аллитерации» (Ф.В. Юхотников), «своеобразный звуковой повтор» (М.Е. Талпа)

«внутреннее созвучие», «внутристроковое созвучие», «созвучие (рифмовая связь)», «внутристроковая рифмовая связь», (Б.И. Куашев), «подхватная рифма», «эховая рифма» (З.М. Налоев), «акромонаграмма» (З.М. Налоев, А.З. Пшиготыжев), «рифменная акромонаграмма», «традиционная народная рифма», «народная подхватная рифма» (Т.Н. Чамоков), «фольклорная рифма» (А.Х. Хакуашев), «анадиплосис» (А.М. Гутов), «аллитеративная (или звуковая) конструкция» (Ш.Е. Шаizzo).

В рассматриваемом вопросе мы занимаем позицию Т.Н. Чамокова и А.Х. Хакуашева, наиболее полно и точно, на наш взгляд, описавших уникальную природу адыгской фольклорной рифмы. По утверждению второго из них, «рифмой – настоящей, правильной, выполняющей те же функции, что и другие, следует признать ту, что связывает конец одной стихотворной строки с началом следующей – рифму, используемую в фольклоре»³⁹. Изначально это явление (по определению исследователя – «своеобразная рифма») было охарактеризовано им как «прекрасное приобретение гения кабардинского народа»⁴⁰. Однако следует отметить общеадыгский характер этой разновидности рифмы, сформировавшейся не в кабардинском, а именно в адыгском фольклоре (устно-поэтическом творчестве адыгейцев, кабардинцев, черкесов) и наблюдаемого в художественной словесности адыгского этноса в целом. Иначе говоря, описанная А.Х. Хакуашевым фольклорная рифма – есть этнокультурный феномен. В своем более позднем труде «Кабардинское стихосложение» он повторно подчеркнул, что «национальная поэзия изначально располагала оригинальным видом рифмы, прекрасно выполнявшим функцию концевой рифмы»⁴¹. Эта функция сводилась к соединению всех строк поэтического текста единым рифмовочным комплексом, сконструированным в виде спирали. При этом мы учитываем, что любой стих, основанный на таком лексико-композиционном приеме, как акромонаграмма (анадиплосис, стык, подхват), также имеет спиралевидную аллитеративную конструкцию, однако в системе адыгского стиха она особенно ярко выражена. Об этом свидетельствует и высказывание Т.Н. Чамокова о том, что «в народном стихе рифму образует созвучие конечных слогов одной строки с начальным слогом следующей. Наряду с этим народный стих изобилует и внутренним созвучием аллитеративного характера»⁴². Именно в этом, считаем, и заключается специфика адыгской фольклорной

³⁹ Хакуашев А.Х. История кабардинской рифмы [Къэбэрдей рифмэм и тхыдэ] // Хакуашев А.Х. Истоки становления [Ехьуллэныгъэм и хэкъыпэхэр]. Нальчик: Эльбрус, 1984. С. 170.

⁴⁰ Хакуашев А.Х. Некоторые вопросы стихосложения Али Шогенцукова // Сборник статей о кабардинской литературе. Нальчик: Кабардино-Балкарское кн. изд-во, 1957. С. 221.

⁴¹ Хакуашев А.Х. Кабардинское стихосложение [Адыгэ уэз гъэпсыкӀэ]. Нальчик: Эльбрус, 1998. С. 27.

⁴² Чамоков Т.Н. Об адыгейском стихосложении (ритмика и рифма) // Адыгейская филология: Сборник статей. Ростов н/Д, 1970. Вып. 4. С. 90.

рифмы, отличающая ее от лексико-композиционных приемов. Другими словами, особенность данной разновидности рифмы состоит не только в том, что она связывает все строки произведения непрерывной цепью, формируя некоторую структурно-композиционную целостность, но и тем, что звуки (или их сочетания), образующие рифму, могут одновременно принимать участие в построении аллитеративных конструкций, которые, в свою очередь, поддерживают рифму и обеспечивают общее благозвучие стиха. Более того, в отличие от лексико-композиционных приемов, в адыгской фольклорной рифме «предыдущие слоги первой строки рифмуются не только с начальными слогами второго стиха, но и со слогами, которые расположены в середине или конце второго стиха»⁴³.

В подпараграфе **1.1.2. «Метрика и строфика адыгского народного стиха»** отмечается, что метрика и строфика представляются менее развитыми (по сравнению с ритмикой и рифмой) областями адыгского фольклорного стиха. Под фразой «менее развитый» подразумевается несоответствие классическим формам и канонам современного стихосложения.

Большинство исследователей устно-поэтического творчества адыгов и теоретиков стиха (С. Хан-Гирей, М.Е. Талпа, А.З. Пшиготыжев, А.Х. Хакуашев) сходятся во мнении о том, что основой фольклорной версификации является тоническая система стихосложения. Вместе с тем проведенный нами анализ множества разножанровых поэтических текстов адыгского фольклора (стихи, кебжеки, благопожелания, пшинатли и т.д.) подтвердил мнение Т.Н. Чамокова о том, что «совершенно бесполезно искать в древнеадыгском стихе рамки определенной метрической системы»⁴⁴. По справедливому замечанию исследователя, «в устной поэзии наблюдаются ритмические ходы, которые напоминают признаки различных систем стихосложения: силлабической, тонической и даже силлабо-тонической. Нередко бывает и так, что в одной и той же народной песне заметны признаки разных систем стихосложения»⁴⁵.

В целом, если теоретики кабардинских версий народного стиха (М.Е. Талпа, А.З. Пшиготыжев, А.Х. Хакуашев) отмечают его тоническую основу, то адыгейские ученые (Д.Г. Костанов, С.Ш. Аутлева, Т.А. Чамоков, Н.М. Шиков) пишут о силлабической системе организации адыгейских текстов. Вспомним также утверждение Б.И. Куашева о том, что в стихах и песенных текстах нартского эпоса произошел переход от ритмической прозы к *силлабическому* (курсив наш – Л.Х.) стиху⁴⁶. Принимая

⁴³ Хакуашев А.Х. Некоторые вопросы стихосложения Али Шогенцукова // Сборник статей о кабардинской литературе. Нальчик: Кабардино-Балкарское кн. изд-во, 1957. С. 223.

⁴⁴ Чамоков Т.Н. Об адыгейском стихосложении (ритмика и рифма) // Адыгейская филология: Сборник статей. Ростов н/Д, 1970. Вып. 4. С. 85.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Куашев Б.И. Стихосложение нартского эпоса // Собрание сочинений [Тхыгъэхэр]: В 2-х томах. Т. 2. Нальчик: Каб. кн. изд-во, 1966. С. 175.

во внимание, с одной стороны, плюрализм точек зрения исследователей и признавая его вполне обоснованным, с другой, важно помнить, что художественная словесность всех субэтносов, составляющих адыгский (черкесский) этнос, восходит к единому истоку – общеадыгскому устно-поэтическому творчеству. Следовательно, система стихосложения в адыгском фольклоре универсальная, т.е. общая для адыгейцев, кабардинцев и черкесов, хотя уже в профессиональной литературе системы адыгейского и кабардино-черкесского (т.е. созданного на одноименных литературных языках) стиха имеют некоторые различия в своей эволюционной динамике. А концепции исследователей о том, что в народных стихах и песенных текстах обнаруживаются элементы как тонической, так и силлабической версификаций, свидетельствуют о сосуществовании этих систем в адыгском фольклоре. Следует также учитывать бытование разных версий одной и той же композиции, созданных на двух современных адыгских литературных языках и их диалектах, в которых наблюдаются различия не только содержательного, но и художественно-поэтического (конкретно – метрико-ритмического) плана. Однако эти различия незначительны и заключаются в основном в варьировании количества слогов и позиций ударений в строках. По сути, они не отличаются от вариантов, исполненных на одном языке.

Вышеизложенное позволяет отметить разносистемный характер – полиметрическую композицию – адыгского фольклорного стиха, несмотря на утверждения некоторых исследователей о доминировании в нем той или иной (в основном – тонической) системы.

Параграф 1.2. **«Становление силлабо-тонической версификации в национальной поэзии»** состоит из двух подпараграфов. В подпараграфе 1.2.1. **«Система стихосложения в ранней авторской поэзии»** установлено, что плоскость функционирования системы народного стихосложения не ограничивается устно-поэтическим творчеством адыгов. Традиции фольклорной версификации прослеживаются в ранней авторской поэзии и творчестве поэтов старшего поколения, стоявших у истоков формирования письменной литературы. Большинство произведений народных певцов-сказителей (джегуако) построено на фольклорной рифме. Творчество поэтов старшего поколения – Бекмурзы Пачева (1854–1936), Цуга Теучежа (1855–1940), Хусена Хамхокова (1881–1934), Амирхана Хавпачева (1882–1972), Али Шогенцукова (1900–1941), Ахмеда Хаткова (1901–1937) и др. – стало промежуточным звеном как между фольклором и литературой, так и между фольклорным стихом и системой литературного стиха. Это означало завершение этапа генезиса и начало эволюции традиционных областей и компонентов стиха по классическим (русскому и европейскому) образцам. При этом указанные авторы продолжали развитие фольклорной версификации,

выражавшееся главным образом в использовании так называемой «народной» (фольклорной) рифмы.

При доминирующей позиции фольклорного стихосложения в творчестве народных джегуако и поэтов старшего поколения в конце XIX – начале XX в. были сделаны первые шаги к силлабо-тонической системе. Такая тенденция развития адыгского стиха на рассматриваемом этапе носила естественный, неосознанный (либо не в полной мере осознанный), но, как вектор эволюции, выраженный характер. Об этом свидетельствует тот факт, что в большинстве случаев признаки силлабо-тонического стиха проявлялись слабо и выдерживались в стихе частично, то есть на отдельных участках текста. Вместе с тем встречаются редкие случаи использования силлабо-тонических размеров в произведениях указанных авторов, хотя их непрерывная продолжительность чаще всего составляет не более четырех-десяти строк – например, в «Стихотворении о комаре» («Аргъуейм и усэ») и «Фате» («Щхъэтепхъуэ») А. Хавпачева.

Как отмечалось ранее, кабардинский поэт, просветитель, исследователь Т. Борукаев был сторонником традиционного фольклорного стихосложения и противостоял его трансформации в другую (силлабо-тоническую) систему; выступал за сохранение фольклорной рифмы. Однако сам же был в числе первых национальных авторов, применивших в своем творчестве концевую рифму, которая в основном была глагольной. Так, в его стихотворении «Мы вступили в добрый путь» («Сыхъэт махуэ дэ дежьащ») прослеживается сочетание элементов народной системы стиха и новаторского для национальной художественной словесности стихосложения – силлаботоники с концевой рифмой: все строфы произведения написаны четырехстопным ямбом. В отличие от него, стихотворение «Конь» («Шы») этого же автора полностью построено на фольклорной рифме и поддерживающих ее аллитеративных конструкциях, а на некоторых участках текста функционирует схема трехстопного дактиля.

Существует мнение о том, что «...в поэзии 20-х годов (XX в. – Л.Х.) <...> чувствовалось стремление освободиться от устаревших форм народного стиха»⁴⁷. Однако подобное «стремление» означало не избавление от «устаревшего», а естественный эволюционный процесс, при котором система национального стиха развивалась по пути усовершенствования посредством освоения поэтических канонов и форм европейской (через русскую), а в более широком плане – мировой литературы. Адыгская поэзия до сих пор не отказалась от элементов народного стихосложения (чаще всего – фольклорная рифма), они встречаются в произведениях современных авторов.

⁴⁷ Шиков Н.М. К вопросу об эволюции поэтических форм адыгейского стиха // Проблемы адыгейской литературы и фольклора. Майкоп: [Б.и.], 1988. С. 48.

В подпараграфе 1.2.2. «*Реформа адыгского стиха: переход от тонической к силлабо-тонической системе*» устанавливается, что первые целенаправленные шаги к созданию системы версификации по европейскому образцу были сделаны кабардинским поэтом Али Шогенцуковым и адыгейским автором Ахмедом Хатковым. В 20–30-е гг. XX в. ими была проведена реформа адыгской версификации с опорой на формы народной поэзии и традиции русского классического стиха. Процесс перехода от фольклора к литературе с параллельной перестройкой системы стихосложения из тоники (с элементами изосиллабизма) в силлаботонику и усвоение опыта иноязычных литературных традиций оказался нелегким. Нововведения А. Шогенцукова и А. Хаткова по обновлению и усовершенствованию техники национального стиха, как отмечалось ранее, были поняты и приняты далеко не всеми их современниками, в связи с чем освоение силлабо-тонической системы заняло некоторое время – почти до середины XX в.

После реформы, проведенной в области стиха, адыгские поэты еще долгое время продолжали пользоваться средствами и приемами народной версификации. Отчетливее всего это проявлялось в использовании фольклорной рифмы и ее сочетании с концевой рифмой в рамках одного произведения. Даже сами реформаторы не сразу смогли отойти от традиционной поэтики адыгского стиха. К метрической системе организации стиха А. Шогенцуков приходил постепенно: в своей ранней поэзии он пользовался свободными, неустойчивыми формами, писал стихи без определенной ритмики и рифм – так называемые «гетероморфные стихи» (термин Ю.Б. Орлицкого). В них наблюдалось смешение элементов разных стиховых систем и стихотворных размеров, резкие переходы от одного метра к другому даже в рамках одной поэтической строки. Отмеченные тенденции прослеживаются в первых произведениях поэта, написанных в 1917 г.: стихотворениях «Нана», «В турецком саду» («Тырку хадэм»), «Чингизово черное знамя...» («Жынгызмэ и нып фЫцЦэжьыр...»). Однако эта «бессистемность» в его поэзии вскоре была устранена. В стихотворении «Педагоги-курсанты Кабарды!» («Къэбэрдей егъэджакIуэ курсантхэ!», 1925) на протяжении всех входящих в него шестнадцати строф выдерживается единая метрика, а именно – четырехстопный хорей (за исключением единственной начальной строки восьмой строфы, в которой четко выделяются две стопы анапеста).

Реформа национального стиха наглядно прослеживается и в творчестве А. Хаткова. Но в произведениях, созданных им до 1930-х гг., наблюдается такая же «бессистемность», как и в ранней поэзии А. Шогенцукова, что, на наш взгляд, было явлением вполне закономерным в период становления адыгской литературы и на переходном этапе от одной

стиховой системы к другой. Отмеченные тенденции наблюдаются в его стихотворениях «Трудовой день» («Лэжьыгъэм имаф», 1927), «Дай руку» («Къаштэ пIапэ», 1924), «Пора сенокоса» («Мэкъуоныгъо маз», 1926), «Река наша хитрая» («Типсы шхъухъашI», 1928) и др. Вместе с тем в некоторых из них отчетливо проявляются первые попытки применения силлабо-тонических размеров: например, в начальных четырех строках тридцативосьмистрочного стихотворения «Река наша хитрая» выдерживается метрика двухстопного амфибрахия.

Таким образом, уже на начальном этапе становления национальной литературы ее основоположниками А. Шогенцуковым и А. Хатковым был раскрыт поэтический потенциал адыгских языков, заимствовав наиболее приемлемые принципы построения русского классического стиха и адаптировав их к существовавшей на тот момент народной версификации. Авторы из современной Карачаево-Черкесии присоединились к ним немного позже, спустя почти два десятилетия, ввиду того, что в 20–30-х гг. проза там развивалась активнее, по сравнению с поэзией. Но начиная с середины XX в. в творчестве А. Охтова, Х. Гашокова, М. Ахметова, Х. Шорова, А. Ханфенова начали появляться удачные образцы произведений, созданных по силлабо-тонической системе. При этом наиболее предпочтительными размерами черкесских поэтов оказались хорей и амфибрахий: например, стихотворение «Скучаю по тебе в разлуке» («Узмылгъагъумэ сьпхуозэш», 1950) А. Охтова написано четырехстопным хореем, а в произведении «Отряд восстает» («Отрядым зельэтыр») А. Ханфенова прослеживается двухстопный амфибрахий.

Вышеизложенное позволяет заключить, что в первой половине XX в. в адыгской поэзии в полной мере была освоена четко структурированная и наиболее благозвучная, на наш взгляд, система силлабо-тонического стиха. И в настоящее время она востребована и успешно функционирует в творчестве национальных авторов.

Вторая глава «РИТМИКА АДЫГСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО СТИХА» включает три параграфа. В параграфе **2.1. «Ударение»** отмечается, что внедрению элементов силлабо-тонического стихосложения в адыгский литературный стих в первую очередь способствовали просодические возможности адыгейского и кабардино-черкесского языков. Динамический и подвижный характер ударения в этих языках позволил адаптировать к адыгскому стиху силлабо-тонические стихотворные размеры и их сочетания в виде логаяэдов.

В национальном стиховедении существует мнение о том, что «ударение в кабардинском (читать «кабардино-черкесском» – Л.Х.) языке ведет себя несколько свободнее и ударный слог нередко произносится ярко выраженным тоном, да и сам поэтический слог кабардинского («кабардино-черкесского» – Л.Х.) языка легче разложить на стопы силлабо-

тонического стиха»⁴⁸. На самом деле ударение в адыгейском языке, как и в кабардино-черкесском, «динамическое (силовое), но не интенсивное»⁴⁹. Однако последнее не означает, что адыгейскому языку и, следовательно, адыгейскому стиху чужды законы силлабо-тонической версификации. Более того, с начала 30-х гг. XX в. данная система стихосложения в адыгейской поэзии функционирует во всех ее проявлениях – в виде пяти основных стихотворных размеров (хорей, ямб, дактиль, амфибрахий, анапест) и в их различных логоэдических и других свободных комбинациях.

В целом, полифония адыгского стиха обусловлена национально маркированными свойствами ударения в адыгейском и кабардино-черкесском языках. Оно может падать на любой слог, что вовсе не означает, что ударение не имеет четких позиций в слове или сочетаниях слов (определятельных конструкциях) в указанных языках. Напротив, определение места ударения подчиняется строгим правилам и зависит от различных факторов, например от словообразовательных процессов. Кроме того, в адыгейском и кабардино-черкесском языках действуют законы проклитики и энклитики, принимающие участие в формировании ритмики стиха.

В параграфе 2.2. «**Интонация**» установлено, что, наряду с ударением, формирование мелодики стиха во многом обусловлено и такими взаимосвязанными явлениями, как интонация, цезура, пунктуация, поэтическая графика, которые, в соответствии с общеизвестным законом диалектического единства содержания и формы, непосредственно коррелируют и взаимодействуют с идейно-тематической направленностью произведения. Именно поэтому «как художественная форма он (ритм – Л.Х.) изменяется в зависимости от эпохи»⁵⁰. Каждому историческому периоду свойственна своя поэтическая интонация, которая имеет свойство выступать транслятором идей, идеологии, настроений сопутствующей конкретной эпохи, принимая непосредственное участие в формировании ритмики стиха. Последняя в зависимости от содержания произведения, равно как и от метрики, может быть задорной, умеренной, протяжной и т.д. Так, адыгская литература, становление которой совпало с государственными переворотами в стране, победой Октябрьской революции и установлением советской власти, отражала реалии и идеи того времени, в том числе и в виде негативных реакций на все происходящее, объективированных, например, в сатирических и бунтарских стихах и песнях Б. Пачева, А. Хавпачева, П. Шекихачева и др. Ритмика этих стихов соответствовала их содержанию и идейной ориентации.

⁴⁸ Чамоков Т.Н. Об адыгейском стихосложении (ритмика и рифма) // Адыгейская филология: Сборник статей. Ростов н/Д, 1970. Вып. 4. С. 92.

⁴⁹ Рogaва Г.В., Керашева З.И. Грамматика адыгейского языка. Майкоп: Краснодарское кн. изд-во, 1966. С. 25.

⁵⁰ Харлап М.Г. О понятиях «ритм» и «метр» // Русское стихосложение. Традиции и проблемы развития. М.: Наука, 1985. С. 12.

Адыгской поэзии начального этапа эволюции была свойственна одическая тональность и возвышенная интонация, сформировавшие соответствующую задорную и одновременно размеренную ритмику стиха. Чаще всего в таких произведениях восхвалялись идеи социалистического строительства, они посвящались отдельным личностям, так называемым «идейным вождям»: «Герой из Красных» («ЛПыхъужь плъыжь») Т. Борукаева, «Памяти Ленина» («Ленин и фэепль») М. Пшенокова, «Комсомолу» («Комсомолым») А. Ханфенова, «Песня о революции» («Революцием ехьылэгъэ орэд») Х. Хамхокова и др. Об уровне художественности подобных сочинений как в плане содержания, так и относительно особенностей поэтики говорить не приходится, поскольку «заказной» тон существовавшей идеологии подводил поэтов к искусственному сочинительству и созданию «нужной» мелодики стиха. Политизированная поэтическая интонация этих произведений, нацеленная на воспитание патриотического духа граждан многонациональной страны, сформировала ритмику торжественно-патетического звучания.

В последующие годы, в особенности в период Великой Отечественной войны, в адыгской поэзии, как и в литературе всей страны, проследживается усиление гимнической, маршевой, задорной тональности, непосредственно обусловленной призывным, лозунговым содержанием стихов. В мелодике произведений, созданных в эпоху войны и в послевоенное десятилетие, тесно переплетены ритмы патриотизма, героизма, боевого духа солдата и марша долгожданной победы: «Красная звезда» («Жьогъо плъыжь») К. Жанэ, «Великая победа» («Теклуэныгъэшхуэ») А. Ханфенова, «Майм и 9» («9 мая») М. Нахушева, «9 мая 1945 года» («Майм и 9-м 1945 гъэм») А. Кешокова и др. Помимо героического задора, поэтическим произведениям военных и послевоенных лет в силу известных причин свойственна и элегическая тональность. Стихи-посвящения погибшим отцам, сыновьям, братьям, с одной стороны, наполнены мужеством и честью героев, с другой – страданиями матерей, жен, детей, потерявших родных и близких.

Анализ множества поэтических произведений адыгских авторов выявил закономерность, состоящую в том, что для стихов элегического и философского содержания в большинстве случаев характерны трехсложные размеры, как, например, в стихотворении «Плач над водой» («Псыхэгъэ») М. Бемурзова. При этом важно помнить, что метрика не единственный фактор, определяющий мелодику и характер декламации стиха. В некоторых случаях доминирующую роль в формировании его ритмики играет именно содержание, то есть манера интонирования стиха «зависит прежде всего от смысла слов, точнее – от общей смысловой окраски или эмоционального тона речи, а следовательно – от художественно-психологического задания, осуществляемого в единстве приемов стиля»⁵¹.

⁵¹ Жирмунский В.М. Вопросы теории литературы: Статьи 1916–1926. Л.: Academia, 1928. С. 147.

В параграфе 2.3. «**Инверсия, поэтическая графика**» отмечается, что инверсия и поэтическая графика оказывают существенное влияние на мелодику стиха. В языках со строго фиксированным порядком слов в предложении инверсия считается лексической ошибкой. «Кабардино-черкесский язык занимает промежуточное положение между языками, в которых порядок слов особо значим, и языками, в которых он выполняет лишь коммуникативную и стилистическую функции»⁵². Это относится и к адыгейскому языку, но как в кабардино-черкесском, так и в адыгейском языке есть «наиболее употребительный», «наиболее общепринятый» и «наиболее предпочтительный»⁵³ порядок слов: *подлежащее* → *дополнение* → *определение* → *обстоятельство* → *сказуемое*. Однако при необходимости акцентирования того или иного слова и придания предложению определенного смыслового оттенка возможно нарушение обозначенного порядка. Порядок слов в предложении может быть нарушен также в силу других причин. В поэтическом тексте подобное нарушение, точнее разрушение «правильно выстроенной» с позиции грамматик адыгейского и кабардино-черкесского языков синтаксической конструкции может быть целенаправленным. Поэты прибегают к инверсии не по неосведомленности о правилах построения предложения, а в большинстве случаев намеренно – например, для создания или поддержания изначально заданной ритмики стиха. Иначе говоря, при применении инверсии в поэтическом произведении происходит *разрушение* («правильной» синтаксической конструкции) *во имя воссоздания* (общего благозвучия стиха).

В адыгской поэзии инверсия чаще всего ассоциируется с творчеством Б. Куашева. «До настоящего времени в национальной поэзии нет равных <ему> в использовании инверсии в поэтическом тексте. Поэт не просто менял позиции слов в предложении, нарушая правила синтаксиса, а создавал мелодичную ритмику и уникальную метрико-рифмовочную композицию стиха»⁵⁴. Оригинальные инверсионные обороты, которыми изобилуют его произведения, выполняют разные функции в метрико-рифмовочной и интонационно-ритмической организации стиха. Примеры инверсий и инверсионных оборотов многочисленны в лирических и лиро-эпических сочинениях Б. Куашева, в частности в поэмах «Два Джона» («ДжонитI») и «Нох» («Нэху»). Отдельные случаи удачного функционирования инверсии также встречаются в творчестве других

⁵² Кабардино-черкесский язык. В 2-х т. Т. I. Нальчик: Эль-Фа, 2006. С. 489.

⁵³ Яковлев Н.Ф., Ашхамаф Д.А. Грамматика адыгейского литературного языка. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 17.

⁵⁴ Хавжокова Л.Б., Бейтуганова Ф.С. Художественные особенности поэзии Бетала Куашева: система образов, идиостиль, поэтика (К 100-летию со дня рождения поэта) // Электронный журнал «Кавказология». 2020. № 4. С. 299. <https://kbsu.ru/nauchnye-izdaniya/zhurnal-kavkazologiya/>

адыгских авторов (К. Жанэ, М. Бемурзова, Х. Бештокова), хотя не так часто и выражено, как в произведениях Б. Куашева.

Наряду с ударением, интонацией, инверсией и другими компонентами стиха в формировании его ритмики принимает участие и поэтическая графика. Из всех элементов последнего (пунктуационные знаки, выделения отдельных слов курсивом, акrostих, анаграмма, палиндром, фигурный стих, текст в тексте и др.) наибольшее влияние на ритмику стиха оказывает «лесенка» (или «ступеньки») В. Маяковского, получившая развитие и в адыгской поэзии, в произведениях: «На берегу Чегема» («Шэджэмыжь Iуфэ») Т. Шакова, «Мои сверстники» («Сэ силэгъухэр») Х. Беретаря, «Красота» («Дахагъэ») А. Бицуева и др. Поэтическая «лесенка» в адыгской поэзии чаще применяется в патриотической, гражданской, философской лирике, а также в посланиях-посвящениях, стихотворениях элегического содержания. Этот прием используется поэтами для наиболее точной передачи психологического состояния лирического героя, для акцентуации определенных чувств и переживаний и создания соответствующей ритмики стиха.

В целом, в формировании ритмики адыгского стиха принимает участие множество явлений – ударение, интонация, фонемный состав лексем, звуковые комплексы согласных, фонетические процессы, стилистические фигуры (инверсия, аллитерация, анафора, эпифора, параллелизм и др.), синтаксические конструкции поэтических строк и строф, цезура, пунктуация и т.д.

В **третьей главе «МЕТРИЧЕСКАЯ СИСТЕМА»**, состоящей из шести параграфов, отмечается, что метрика – один из важнейших компонентов и областей стиха. С одной стороны, она принимает участие в формировании такого значимого свойства любой поэтической композиции, как мелодичность и, соответственно, является *элементом-конструктом ритмики*, с другой, представляет собой *отдельную область стиха*. Метрическое строение стиха обусловлено особенностями грамматического строя языка, художественным мастерством и индивидуальными предпочтениями автора и не зависит от каких-либо временных, пространственных и других экстрастиховых факторов. Именно поэтому не представляется целесообразным рассмотрение эволюции хорей (либо другого размера), например, периода становления адыгской литературы, советской или постсоветской эпохи и т.д. В этой связи главное исследовательское внимание акцентируется на воссоздании общей картины развития силлабо-тонических размеров в национальной поэзии.

В параграфе **3.1. «Хорей»** установлено, что хорей стал началом освоения силлабо-тонической системы в адыгской поэзии. На этапе становления национальной литературы и в последующие эпохи он занимает доминирующие позиции, в частности, в творчестве реформаторов

адыгского стиха А. Шогенцукова и А. Хаткова. Анализ значительного объема поэтического материала выявил преобладание четырехстопного хорей, нашедшего применение не только в лирических, но и в более крупных лиро-эпических произведениях, в том числе в поэме «Лисья гармонь» («Бажэ пшынэ», 1947), «Эльбаздуко» («Елбэздыкъуэ», 1948), «Тисовое дерево» («Тисей», 1952–1954) А. Кешокова, «Ногайские табунщики» («Нэгъуей шыхъуэхэр») К. Дугужева, «Один казак и два белых всадника» («Зы къэзакърэ шу хужытІрэ») В. Абитова, в балладе «Грабитель и сказитель» («ХъунщІакІуэмрэ джэгукІуэмрэ») А. Бицуева, пьесе-сказке в стихах «Как петух чуть не подавился крупинкой проса» («Атакъэр гъэжъуацэм зэритхалэ пэтыгъэр») К. Жанэ и др. Далее с увеличением количества стоп наблюдается сокращение числа произведений, написанных данным размером. Редкость пяти-, шести- и более стопных вариаций хорей, как и многостопных вариаций других размеров, обусловлена не только сложностью технического характера, но и тем, что при увеличении количества слогов в строке ослабевает ритмичность, произведение в целом теряет мелодичность и тем самым, по справедливому замечанию А.Х. Хакуашева, по поэтике своей «сближается с прозой»⁵⁵. В таких поэтических композициях, как правило, появляется цезура и увеличивается количество пиррихий в строках. Но, несмотря на обозначенные сложности, многостопные вариации хорей получили развитие в поэзии всех адыгских субэтносов. Они состоят между собой в следующих процентных соотношениях: двухстопный – 6 %, трехстопный – 20 %, четырехстопный – 40 %, пятистопный – 7 %, шестистопный – 8 %, семистопный – 4 %, восьмистопный – 5 %, разностопный – 10 %.

В параграфе 3.2. «Ямб» доказано, что в адыгской поэзии этот размер занимает одно из ведущих мест как по частоте использования, так и по количеству стопных вариаций – от двух- до шестистопного, а также разностопный ямб.

Четырехстопный ямб, как и такая же стопная вариация хорей, стал одним из любимых стихотворных размеров адыгских поэтов. Его образцы выявлены в 85 % проанализированных поэтических сборников. Этим размером написаны, например, стихотворения «Солдатские сапоги» («Сэлэт шырыкъу»), «Грушевая ветка» («Кхъужьей къудамэ») А. Кешокова, «Скучал по тебе» («Сыпхуеззшт») М. Нахушева, «Танец Асхада» («Асхэд и къафэ») К. Дугужева, «В огромном пространстве Галактики...» («Галактикэмэ ятІокІэшхомэ...») М. Емиж и др.

В настоящее время адыгская поэзия располагает значительным количеством произведений, написанных пятистопным ямбом. Их примеры обнаружены в творчестве А. Кешокова, Х. Беретаря, Л. Губжокова,

⁵⁵ Хакуашев А.Х. Кабардинское стихосложение [Адыгэ усэ гъэпсыкІэ]. Нальчик: Эльбрус, 1998. С. 145.

Б. Утижева, А. Оразаева, М. Пхешхова, Р. Адканова, У. Тхагапсова, М. Емиж, М. Мижаевой, З. Кануковой, Н. Махотлова, Л. Пшукова, А. Бербекова и др. Интенсивное развитие этой стопной вариации ямба отчасти связано с тем, что пяти-, реже шестистопный ямба признан каноническим размером сонета⁵⁶. Вместе с тем он получил наибольшее развитие не в сонетах, а в других жанрах (стихотворение, поэма, баллада и др.).

Шестистопный ямба – явление редкое в адыгской поэзии. В единичных произведениях, написанных этим размером, такая вариация ямба выдержана не в «чистом» виде – например, в стихотворениях «Я много гневался...» («Сэ куэдрэ сыбэмпащ...»), «Из нартов» («Нартхэм шыщ») Х. Бештокова.

Стопные вариации ямба в адыгской поэзии состоят между собой в следующих процентных соотношениях: двухстопный – 12 %, трехстопный – 14 %, четырехстопный – 33 %, пятистопный – 31 %, шестистопный – 3 %, разностопный – 7 %.

В параграфе 3.3. «**Дактиль**» отмечается, что трехсложные стихотворные размеры в адыгской поэзии получили широкое развитие, но по сравнению с двусложными хореем и ямбом, трехсложные дактиль, амфибрахий и анапест встречаются в ней значительно реже. Вместе с тем наблюдается непрерывная эволюция стопных вариаций трехсложников с одновременным увеличением частоты их использования.

Дактиль, как верно заметил А.Х. Хакуашев, один из самых нераспространенных размеров⁵⁷. В кабардинской поэзии исследователь выделил две его стопные вариации – двух- и трехстопный дактиль. В общеадыгской литературе нами выявлено четыре стопные вариации данного размера – двух-, трех-, четырех-, пятистопный дактиль.

Разностопный дактиль – явление редкое в адыгской поэзии. Из нескольких тысяч проанализированных нами поэтических произведений выявлен единственный случай сочетания разноколичественных стоп дактиля. В стихотворении «Нынешний адыгский мир» («Иджырей адыгэ дуней», 1975) М. Нахушева прослеживается упорядоченное чередование двух четырехстопных и одной трехстопной строк в каждой из трехстрочных строф. Подобная композиция повторяется в стихе десять раз, то есть произведение состоит из десяти трехстрочных строф (30 строк).

Стопные вариации дактиля в адыгской поэзии состоят между собой в следующих процентных соотношениях: двухстопный – 14 %, трехстопный – 55 %, четырехстопный – 23 %, пятистопный – 4 %, разностопный – 4 %.

В параграфе 3.3. «**Амфибрахий**» установлено, что из всех трехсложных стихотворных размеров амфибрахий стал самым востребованным в адыгской поэзии. Причины наиболее частого, по сравнению с другими

⁵⁶ См.: Квятковский А.П. Поэтический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1966. С. 275–277.

⁵⁷ Хакуашев А.Х. Кабардинское стихосложение [Адыгэ усэ гъэпсыкӕ]. Нальчик: Эльбрус, 1998. С. 158–159.

трехсложниками, обращения к нему в настоящее время остаются невыясненными, но факт заключается в том, что адыгскими поэтами этот размер используется почти в два раза чаще, чем анапест, и в четыре раза – чем дактиль.

Начало эволюции амфибрахия датируется 30 гг. XX в. По справедливому утверждению А.Х. Хакушева, впервые двухстопная вариация этого размера была использована А. Шогенцуковым в ряде стихотворений и поэме «Славию» («Сохъуэхъур») ⁵⁸. Впоследствии она получила широкое развитие в творчестве поэтов последующих поколений. Примеры двухстопного амфибрахия выявлены в лирике и лиро-эпике А. Охтова, А. Кешокова, К. Жанэ, Б. Куашева, А. Гадагатля, А. Ханфенова, И. Машбаша, З. Тхагазитова, Н. Куека, М. Нахушева, Х. Бештокова, М. Емиж, А. Кармовой, М. Мижаевой, Р. Жамбековой, М. Шоровой, З. Куготовой и др. Далее с увеличением количества стоп наблюдается сокращение количества произведений, написанных амфибрахией. Так, трехстопный амфибрахий встречается реже его двухстопной вариации, но с почти одинаковой частотой применения четырехстопного амфибрахия. Кроме того, в адыгской поэзии выявлен единственный образец пятистопного амфибрахия в стихотворении «В шепоте-бреду досадном...» («Гушщэ-Гуэщхъуей зэгуэпыгъуэ...», 2002) Л. Пшукова. Пять стоп – наивысшая точка эволюции амфибрахия. Вместе с тем выявлены примеры разностопного амфибрахия.

Стопные вариации амфибрахия в адыгской поэзии состоят между собой в следующих процентных соотношениях: двухстопный – 46 %, трехстопный – 23 %, четырехстопный – 24 %, пятистопный – 1 %, разностопный – 6 %.

В параграфе 3.5. «Анапест» отмечается, что анапест представляет собой один из редких стихотворных размеров в системе адыгской версификации. По сравнению с другими трехсложниками, он встречается в два раза чаще, чем дактиль, и в два раза реже, чем амфибрахий. Первая попытка применения анапеста в кабардинской поэзии принадлежит Б. Куашеву и относится к 50 гг. XX в. С этого времени как в кабардинской, так и в общеадыгской поэзии наблюдается функционирование отмеченной стопной вариации анапеста. Ее образцы представлены в творчестве А. Ханфенова, Х. Шорова, М. Бемурзова, А. Оразаева, Р. Ацканова, А. Кармовой, М. Мижаевой, З. Кануковой, Б. Аброковой, Н. Махотлова, Р. Жамбековой, Л. Хавжоковой, З. Куготовой и др.

Трехстопный анапест в адыгской поэзии используется чаще его двухстопной вариации. В творчестве ряда авторов он встречается многократно: у М. Мижаевой – 14 раз, А. Кармовой – 4 раза, М. Бемурзова – 3 раза, А. Мукожева – 2 раза, З. Кануковой – 2 раза и т.д.

⁵⁸ Хакушев А.Х. Кабардинское стихосложение [Адыгэ усэ гъэпсыкӀэ]. Нальчик: Эльбрус, 1998. С. 160.

В выделенных нами произведениях (около 50) рассматриваемый размер выдержан в «чистом» виде. Единственный случай применения четырехстопного анапеста зафиксирован в творчестве М. Бемурзова, в стихотворении «На речке» («Зыгъгэпскыпгэм»).

По сравнению с другими силлабо-тоническими размерами (за исключением дактиля) примеров разностопного анапеста, так же как и основных стопных вариаций, значительно меньше в национальной поэзии. Тем не менее, он представляет собой значимую подсистему системы адыгской версификации. Процентное соотношение стопных вариаций анапеста следующее: двухстопный – 35 %, трехстопный – 55 %, четырехстопный – 2 %, разностопный – 8 %.

В параграфе 3.6. «**Интегральные стихи**»: **логаэд и верлибр**» отмечается, что формы свободного стиха занимают определенное место в эволюции системы адыгской версификации и требуют специального рассмотрения. В теории отечественного стиха утвердилось мнение о синонимичности понятий «свободный стих» и «верлибр». Вместе с тем следует учитывать, что в зависимости от «степени свободы» от канонов версификации возможно полноправное существование различных форм свободного стиха. Так, например, белый стих свободен от рифмы, верлибр – от метрики и рифмы; вольный стих (вольный ямб) – «свободное (курсив наш – Л.Х.) чередование разностопных по количеству строк»⁵⁹, холостой стих – частично рифмованный стих, и даже лобаэд отчасти относится к формам свободного стиха при определенной регламентированности его метрической системы. Поэтому наиболее удачным термином, обозначающим свободный стих в самом широком смысле, считаем «интегральный стих», то есть «объединяющий», «объединительный», вбирающий в себя одновременно многие формальные и жанровые «оттенки»⁶⁰, введенный А.В. Бубновым.

Начиная с 90-х гг. прошлого столетия в адыгской поэзии наблюдается трансформация системы версификации и обновление поэтики национального стиха, сопровождающиеся появлением полиметрических, дисметрических, безрифменных композиций. Из всех форм «интегрального стиха» наибольшее развитие получили лобаэд и верлибр.

Лобаэды составляют отдельный пласт системы адыгского стиха. В настоящее время трудно говорить об обширном развитии данного оригинального способа организации поэтического текста, вместе с тем в творчестве национальных поэтов обнаруживаются удачные образцы его применения. Основы лобаэда были заложены А. Шогенцуковым и

⁵⁹ Онуфриев В.В. Справочник по стихосложению // URL: <https://stihiru.pro/wp-content/uploads/2020/04/spravochnik-po-stihoslozheniyu-v.v.-onufriev.pdf>.

⁶⁰ Бубнов А.В. В лаборатории свободного стиха // Южное сияние. 2018. № 2 (26) // URL: <https://reading-hall.ru/publication.php?id=22265&ysclid=lv3bt7b4ff766666496>.

А. Кешоковым. Логаэдические стихи также выявлены в творчестве ряда других адыгских поэтов разных поколений: И. Машбаша, Х. Беретаря, М. Бемурзова, Л. Пшукова, З. Куготовой и др. В их произведениях представлены самые неожиданные и разнообразные комбинации стихотворных стоп из пяти силлабо-тонических метров. Так, например, в стихотворениях из цикла «Камни Бреста» («Брест имыжьохэр», 1958) Х. Беретаря прослеживаются сочетания стоп дактиля и хорей. Подобная логаэдическая конструкция представляется нам наиболее удачной в плане «совместимости» размеров потому, что ударения в них занимают одинаковые – начальные – позиции. Именно такие сочетания, на наш взгляд, имеют свойство создавать гармоничную ритмику стиха.

К логаэдической форме организации стиха начинающие адыгские поэты обращаются значительно реже своих старших коллег по творческому цеху. Многие из них предпочитают свободные поэтические формы и жанр стихотворения в прозе. Последнее получило развитие в творчестве Р. Жамбековой, З. Шомаховой, З. Куготовой – представителей литературного объединения «Млечный путь» («Шыхульгагуэ»), функционировавшего в КБР в 1990-е – первое десятилетие 2000-х гг. Вместе с тем встречаются единичные попытки создания логаэдов. Так, например, во всех трех строфах стихотворения «Разговариваю» («Сопсалъэ») З. Куготовой выдержана разнометрическая конструкция, основанная на межстрочном чередующемся сочетании двухстопных вариаций дактиля и амфибахия.

Верлибры встречаются в творчестве многих адыгских поэтов, вместе с тем количество верлибристов в национальной поэзии ограничено несколькими авторами. Один из них – кабардинский поэт, педагог, критик и литературовед Х. Кажаров. Будучи профессиональным литератором, он хорошо знал теорию стиха. Его перу принадлежит несколько рифмованных и метрически правильно выстроенных стихотворений. Так, например, стихотворение «Эльбрус высок, словно материнская грудь...» («Анэ бгъафэу лъагэщ Гуащхьэмахуэ...», 1992) написано пятистопным хореем, «Две красавицы» («ТхьэлухудитI», 1985) и «Просьба Гуашегаг» («Гуащэгъагъ и лъэIу», 1992) – четырехстопным ямбом, «Не обманывают ли нас эти поэты...» («ДыкъамыгъапцIэу пIэрэ а поэтхэм...», 1978) – пятистопным ямбом и т.д. Но строгим метрическим формам поэт предпочитал «свободный полет» мыслей без каких-либо технических «стеснений» и «ограничений». Так, 98 % произведений, вошедших в его сборники «Избранное» («Усыгъэхэр», 1998) и «Испытание» («ГъэунэхупIэ», 2013), составляют верлибры.

В отличие от свободных стихов Х. Кажарова, близких к прозе, верлибры З. Кануковой глубоко поэтичны и отличаются яркой национально маркированной образной системой, проявляющейся не

только на уровне содержания, но и поэтики произведения. Например, оригинальная ритмика стихотворения «Разобрано по полочкам, но непонятно...» («Зэхэхами мыгурыуэгъуэ...», 2006) создана с использованием аллитеративных конструкций, присутствующих как в отдельных строках, так и распространяющихся на все произведение.

Верлибр – явление частое в адыгейской поэзии. В творчестве Н. Куека, например, их значительно больше, чем стихов, написанных по силлабо-тоническим размерам. Так, все 22 стихотворения, входящие в цикл «Послания сердца» («Гум илофтабгэхэр»), написаны верлибром. В лирике М. Емиж также наблюдается доминирование верлибров, один из них – «Как повелось испокон веков...» («Егъашэм зэрэщытыгъэу...»).

В целом, не представляется возможным проследить определенные тенденции эволюции «интегральных стихов», в частности логаэда и верлибра, в адыгской поэзии. Упорядоченные (в логаэде) или хаотичные (в верлибре или «гетероморфном стихе») сочетания различных стихотворных размеров в рамках одного произведения не обусловлены какими-либо конкретными стиховыми и экстрастиховыми факторами, а зависят от личных предпочтений и уровня художественного мастерства авторов.

Таким образом, адыгский литературный стих – силлабо-тонический. Подобное утверждение не исключает факта присутствия в национальной поэзии произведений, созданных в рамках других систем стихосложения, однако просодическими возможностями адыгских языков, в частности природой динамического силового ударения, обусловлено преимущественное применение силлабо-тонических размеров. Они используются даже теми мастерами художественного слова, которые не имеют представления о теоретических основах силлабо-тонической и других систем версификаций. При этом незнание теории не ограничивает авторов в использовании тех или иных форм и метров, поскольку данный «пробел», как правило, восполняется глубоким знанием языка и интуитивным восприятием его грамматического строя.

Процентное соотношение конвенциональных (силлабо-тонических) и «интегральных» (верлибров и логаэдов) стихов в адыгской поэзии следующее: хорей – 34 %, ямб – 32 %, дактиль – 4 %, амфибрахий – 15 %, анапест – 8 %, верлибр – 5 %, логаэд – 2 %. Приведенные показатели приблизительны, так как вычислены по исследованному нами определенному объему поэтического материала, а список проанализированных произведений не исчерпывающий. Тем не менее, обозначенная статистика демонстрирует общую картину эволюции системы адыгской версификации.

В четвертой главе «РИФМА В АДЫГСКОЙ ПОЭЗИИ» установлено, что с момента перехода к силлабо-тонической системе рифма в

адыгской поэзии концевая с множеством разновидностей и способов рифмовки. Эволюция этого компонента стиха в разные периоды проходила неравномерно: в эпоху становления национальной литературы и освоения новаторской версификации наблюдалось интегрированное функционирование фольклорной и концевой рифм, в поэзии советского периода прослеживается преимущественное применение концевой рифмы и в постсоветской поэзии происходит частичный «отказ» от рифмы и появление белых стихов. При этом важно разграничивать безрифменный стих в творчестве поэтов старшего поколения и современных авторов: если в первом случае появление таких композиций во многом было обусловлено недостаточностью художественного мастерства и незнанием теоретических основ стиха, то во втором случае произошел намеренный «отказ» от рифмы в целях обновления поэтики национального стиха путем введения новых правил и форм построения поэтического текста.

Первичное применение и дальнейшая эволюция концевой рифмы в адыгской поэзии теоретиками литературы по праву связывается с именем основоположника и реформатора национального стиха А. Шогенцукова. Согласимся с мнением А.Х. Хакуашева, отмечавшего, что до революции и долгое время после нее в адыгской поэзии работали поэты старшего поколения, чье творчество было сформировано в рамках фольклорных традиций (Б. Пачев, Л. Агноков, С. Мижаев, А. Хавпачев и др.). При создании своих произведений они руководствовались принципами и правилами народной версификации. Поэтика фольклорного стиха оставалась актуальной и в последующие годы, в частности, в творчестве поэтов, пришедших в литературу после революции (Т. Шеретлоков, Т. Борукаев, П. Шекихачев)⁶¹. В произведениях отмеченных поколений авторов прослеживается либо использование фольклорной рифмы, либо безрифменные композиции. Вместе с тем в некоторых из них обнаруживаются первые слабые образцы конечного рифмования строк, а в ряде случаев встречаются сочетания фольклорной и концевой способов рифмовки – например, в стихотворении «Дамажук и Мышакуаго» («Дамэжьыкьуэрэ Мыщэ кьуагуэрэ», 1931) П. Шекихачева:

ЩЦалэ закьуэуэ Дамэжьыкь <u>кьуэ</u>	(А)
Псы <u>кьуэ</u> -псыщхьэр нызэпеч,	(В)
<u>Чэцанэжьым</u> зыхуегъэ <u>псри</u> ,	(С)
Щы <u>псэ</u> унуэ зегъэзакь <u>уэ</u> ⁶² .	(А)

⁶¹ Хакуашев А.Х. Кабардинское стихосложение [Адыгэ усэ гъэпсыкIэ]. Нальчик: Эльбрус, 1998. С. 184.

⁶² Антология кабардинской поэзии. XX век [Къэбэрдей усэм и антологие. XX лэщIыгъуэ]. Нальчик: Эль-Фа, 2008. С. 77.

На стыках первой и второй, второй и третьей, третьей и четвертой строк прослеживается функционирование фольклорной рифмы: *Дамэжьыкѳуэ* ↔ *псыкѳуэ*, *нызэпеч* ↔ *цэщанэжьым*, *зыхуегъэпсри* ↔ *щыпсэунуэ*. И в этой же строфе действует кольцевая (охватная, опоясывающая) рифма, соединяющая концы первой и четвертой строк: *Дамэжьыкѳуэ* ↔ *зегъэзакѳуэ*.

Обозначенное явление – использование «двойной рифмы» (термин Ад. Шогенцукова) – свойственно и ранней поэзии Али Шогенцукова. Переход от традиционной народной рифмы к европейской (концевой) в его творчестве происходил постепенно, другими словами, реформа национального стиха проводилась поэтапно. «Двойная рифма» присутствует во многих произведениях поэта, в частности, в стихотворениях «Нана» («Нанэ», 1917), «Уйди с порога» («ТекI бжэщхъэIум», 1933), «Зима» («Щымахуэ», 1936), поэме «Зимняя ночь» («Щымахуэ жэщ», 1929) и др. Вместе с тем фольклорная рифма выдерживается в них не на протяжении всего текста, а связывает лишь отдельные участки: в четырехстрочных строфах это чаще всего конец второй и начало третьей строк. Такая локализация фольклорной рифмы не случайна: в произведениях А. Шогенцукова, написанных четырехстрочными строфами, одно предложение охватывает две строки, следовательно, одна строфа состоит из двух предложений, связанных фольклорной рифмой. Например, в стихотворении «Нана»:

Сыт кѳуаншагъэу, Тхъэ, уэзлэжьауэ	(А)
Дунейм пцIанэу <i>свыщIытебдзар?</i>	(В)
<i>Дзы</i> имыIэу нанэ тхъэмьщкIэми	(С)
Нэпс щIигъэжу <i>кѳыщIэбгъэнар?</i> ⁶³	(В)

В процитированном фрагменте заметно, что в «переходных» произведениях с «двойной рифмой», как правило, слабыми и неудачными оказываются обе рифмы.

Из основных разновидностей рифм, актуализированных в национальной поэзии, чаще всего встречается перекрестная рифма. Отчасти это связано со спецификой строфической и, соответственно, синтаксической структуризации поэтического текста: большинство произведений адыгских поэтов построено на четырехстрочных строфах, включающих две синтаксические единицы (предложения), каждая из которых охватывает по две строки. Во многих случаях, в особенности в творчестве поэтов старшего поколения (А. Шогенцукова, А. Кешокова и др.), эти синтаксические единицы связывались одной рифмой, что сопровождалось неполным (частичным) рифмованием строк в строфе. Другими словами, рифмой сочетались только две перекрестные строки из четырех, чаще всего – вторая и четвертая (например, в известном стихотворении «Грушевая ветка» – «Кхъужьей кѳудамэ» А. Кешокова).

⁶³ Шогенцуков А.А. Избранные произведения [Тхыгъэхэр]. Нальчик: Эльбрус, 2000. С. 42.

Парная (смежная) и кольцевая (охватная, опоясывающая) рифмы также широко развиты в творчестве адыгских авторов. Они нашли применение в различных жанрах и жанровых формах национальной поэзии: стихотворениях, поэмах, балладах, триолетах, английской и итальянской формах сонета, венке сонетов и т.д.

Заметное место в адыгской версификации занимают тавтологическая, омонимическая, авторская, холостая, гиперхолостая и многие другие способы рифмовки. Кроме того, в современной поэзии наблюдается актуализация безрифменных – белых – стихов, которые в соотношении с рифмованными композициями составляют около 10 % от общего объема проанализированных нами произведений.

Таким образом, рифма в адыгской поэзии прошла сложный путь становления и развития, с одной стороны, от фольклорной (народной) до европейской (концевой), с другой – от бедной глагольной до богатой, точной рифмы. Процесс усовершенствования этого значимого компонента стиха протекал параллельно с общей эволюцией литературы: становлением жанров, оттачиванием поэтики, формированием художественно-стилевых особенностей и т.д. В современной адыгской поэзии функционируют все основные разновидности концевых рифм и клаузул (женская, мужская, дактилическая, в редких случаях гипердактилическая), а также множество оригинальных способов рифмовки, в том числе сложные (смешанные) комбинации рифм.

В **пятой главе «СТРОФИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА АДЫГСКОГО СТИХА»** определяется роль строфики в построении поэтического текста. В частности, отмечается, что строфика занимает значимое место в системе адыгской версификации: являясь одной из ее подсистем, она взаимодействует с другими областями и компонентами стиха. В наиболее тесной взаимокорреляции состоят рифма и строфика.

В отечественной литературе «к строфике относятся такие архитектурные формы стиха, как дистих, газели, терцеты, терцины, катрены, стансы, секстины, септимы, октавы, сицилианы, канцоны, спенсерова строфа, децимы, глосса, триолет, рондо, рондель, одиннадцатистишная строфа Лермонтова («Сашка»), онегинская строфа Пушкина, сонет, венки сонетов, баллада французская и пр.»⁶⁴. Большинство из них освоено и в национальной поэзии.

Развитие строфической структуры адыгского стиха проходило в направлении увеличения строк в строфе. Освоение разнострочных вариаций строф способствовало не только эволюции поэтики стиха, но и жанров и жанровых форм национальной поэзии: газели в творчестве А. Мукожева, рубаи в поэзии А. Мукожева и П. Хатуева, стихов-стрел («метких стихов» или «мини-стихов») в поэзии А. Кешокова,

⁶⁴ Квятковский А.П. Поэтический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1966. С. 289.

И. Машбаша, М. Бемурзова, триолетов в лирике К. Абазокова, сонетов в творчестве Х. Беретаря, Ад. Шогенцукова, Б. Утижева, Р. Ацканова, венка сонетов в поэзии Х. Беретаря, М. Бемурзова, М. Кештова, А. Оразаева, Т. Камергоева, С. Жилетежева, Л. Пшукова и др.

В современном адыгском стихе строфика достигла четырнадцатистрочного уровня развития. Наибольшее распространение получили двух-, четырех-, шести-, восьмистрочные строфы. Самой востребованной архитектурной формой стало четверостишие (катрен), нашедшее применение как в стихотворениях, поэмах, балладах, так и в сонете и венке сонетов. Кроме того, в адыгской поэзии четверостишие выделилось как отдельная жанровая форма с такими отличительными свойствами и признаками, как меткость, лаконичность, глубокий философский подтекст. Такие поэтические композиции выявлены в творчестве А. Кешокова, И. Машбаша, М. Бемурзова, Б. Утижева и др.

В строфах с четным количеством строк чаще всего используются основные разновидности концевой рифмы – парная, перекрестная, кольцевая. В терцетах, а также в пяти-, семи-, девяти-, тринадцатистрочных строфах, как правило, применяется смешанная рифмовка.

В адыгской поэзии представлены многострочные строфы, однако начиная от девятистрочной до тринадцатистрочной включительно их композиции «не подчиняются» каким-либо определенным правилам или схемам построения поэтического текста. Синтаксические конструкции, способы рифмовки, метрическая система, ритмическое оформление могут быть в них самыми разнообразными и неожиданными, но чаще всего они представляют собой деструктивные (дисметрические и безрифменные) образования. Более того, нами обнаружены лишь единичные случаи написания целого стихотворения (хотя бы двухстрофного) девяти-, десяти-, одиннадцати-, двенадцати-, тринадцатистрочными строфами. Такие объемные строфы, как правило, встречаются в строфоидах.

В отличие от 9–13-строчных строф, четырнадцатистрочники имеют более четкую метрико-ритмическую и рифменно-строфическую композицию. В адыгской поэзии эта архитектурная форма встречается в виде четырнадцатистрочного стихотворения или сплошного сонета.

Таким образом, главное заключение, к которому мы пришли в ходе проведенного исследования, состоит в том, что «...поэзия – одно из труднейших производств»⁶⁵. Адыгская версификация, основы которой были заложены в устно-поэтическом творчестве народа, прошла долгий и трудный путь становления и эволюции. Аккумулировав в себе обширный исторический и эмпирический материал, накопленный за более чем вековой период развития, на сегодняшний день она представляет собой целостную систему, содержащую большой объем и многообразие

⁶⁵ Маяковский В.В. Как делать стихи? М.: Огонек, 1927. С. 51.

художественно-изобразительных средств, поэтических приемов, стихотворных размеров, метрико-ритмических и рифменно-строфических форм.

В **Заключении** подводятся итоги комплексного исследования системы адыгской версификации, обобщаются результаты, формулируются перспективы дальнейших исследований.

Перспективы дальнейших исследований по теме диссертационной работы заключаются в более обширном изучении поэтики адыгского стиха в совокупности его художественных (образная система, изобразительно-выразительные средства и приемы, идиостиль автора), жанрово-стилевых особенностей и специфики технического оформления. Отдельного научного осмысления требуют новаторские для национальных литератур и малораспространенные формы – газель, рубаи, логаэд, верлибр, белый стих, стихотворение в прозе. Многие из них находятся на стадии генезиса и встречаются редко, однако достойны исследовательского внимания в силу наблюдаемой в современной поэзии тенденции к их активизации. Также следует учитывать, что проблема изучения непрерывно развивающейся и трансформирующейся системы версификации и вопросы ее рассмотрения в общем контексте эволюции отечественной литературы остаются актуальными во все времена.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ:

I. Монографии, сборники научных статей:

1. Хавжокова, Л.Б. Поэтический мир Хабаса Бештокова / Л.Б. Хавжокова. – Нальчик: Издат. отдел КБИГИ, 2012. – 192 с. (11,2 п.л.)
2. Хавжокова, Л.Б. Художественный мир Мухадина Бемурзова = Бемырзэ Мухьэдин и усыгъэ дунейр / Л.Б. Хавжокова [на каб.-черк. яз.]. – Нальчик: Издат. отдел КБИГИ, 2014. – 190 с. (11 п.л.)
3. Хавжокова, Л.Б. Этюды об адыгских (кабардинской, черкесской, адыгейской) литературах: сб. науч. ст. / Л.Б. Хавжокова. – Нальчик: Издат. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2018. – 270 с. (15,6 п.л.)
4. Хавжокова, Л.Б. Эволюция системы адыгского стихосложения / Л.Б. Хавжокова. – Нальчик: Принт Центр, 2022. – 372 с. (22 п.л.)

II. Коллективные издания:

5. Адыгские (адыгейские, кабардинские, черкесские, черкесского зарубежья) писатели XIX–XXI вв.: биобиблиографический словарь: в 3 т. Т. I: А–И. / под ред. Л.Б. Хавжоковой. – Нальчик: Принт Центр, 2021. – 380 с. (личный вклад 8,5 п.л.)

6. Адыгские (адыгейские, кабардинские, черкесские, черкесского зарубежья) писатели XIX – XXI вв.: биобиблиографический словарь: в 3 т. Т. II: К–П / под ред. Л.Б. Хавжоковой. – Нальчик: Принт Центр, 2022. – 434 с. (личный вклад 9,5 п.л.)

7. Хавжокова, Л.Б. История адыгской литературы. Адыгская литература нового и новейшего времени // Адыги: Адыгейцы. Кабардинцы. Черкесы. Шапсуги / Л.Б. Хавжокова; отв. ред. А.Х. Абазов, Ю.Д. Анчабадзе, А.В. Кушхабиев, М.М. Паштова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Кабардино-Балкарский научный центр РАН; Адыгейский республиканский ин-т гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева. – М.: Наука, 2022. – С. 773–813. (личный вклад 7,6 п.л.)

8. Адыгские (адыгейские, кабардинские, черкесские, черкесского зарубежья) писатели XIX–XXI вв.: биобиблиографический словарь: в 3 т. Т. III: Р–Я. / под ред. Л.Б. Хавжоковой. – Нальчик: Принт Центр, 2023. – 432 с. (личный вклад 11,5 п.л.)

III. Статьи в научных журналах, входящих в базу данных Web of Science:

9. Thagazitov, Yu.M. Investigating the educational poem-epopei genre development in the North Caucasian literature = К проблеме формирования жанра поэмы-эпопеи в северокавказской литературе / Yu.M. Thagazitov, N.T. Timizhev, F.T. Uzdenova, K.K. Bauaev, L.B. Khavzhokova // Revista Turismo Estudos & Práticas (RTEP). Geplat: Caderno Suplementar. – 2020. – No. 2. – URL: <https://geplat.com/rtep/index.php/tourism/article/view/458> (дата обращения: 04.04.2024). (личный вклад 0,2 п.л.)

10. Тхагазитов, Ю.М. Али Шогенцуков и национальный литературный процесс XX в. (к аксиологии перечтения) / Ю.М. Тхагазитов, Л.Б. Хавжокова // Studia Litterarum. – 2022. – Т. 7, № 1. – С. 334–345. (личный вклад 0,3 п.л.)

IV. Статьи в журналах, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ:

11. Хавжокова, Л.Б. Нравственно-философские искания в лирике Х. Бештокова / Л.Б. Хавжокова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2010. – Вып. 2. – С. 49–52. (0,7 п.л.)

12. Хавжокова, Л.Б. Песенное творчество кабардинских поэтов: идейно-тематические и жанровые особенности «Колыбельной песни» А. Мукожева / Л.Б. Хавжокова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 5-2 (59). – С. 37–39. (0,3 п.л.)

13. Хавжокова, Л.Б. Песенное творчество кабардинских поэтов (на примере текста песни «Падает снег...» А. Бицуева) / Л.Б. Хавжокова //

Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 8-1 (74). – С. 43–46. (0,3 п.л.)

14. Хавжокова, Л.Б. Мотивный анализ поэзии Х. Кунижевой = Къуньжъ Хь. и усыгъэм и мотивхэр [на каб.-черк. яз.] / Л.Б. Хавжокова // Электронный журнал «Кавказология». – 2018. – № 2. – С. 94–100. – URL: https://kbsu.ru/wp-content/uploads/2018/07/havzhokova_kavkazologija_2018_2.pdf (дата обращения: 30.03.2024). (0,8 п.л.)

15. Хавжокова, Л.Б. Сонетарий Адама Шогенцукова в контексте эволюции жанра / Л.Б. Хавжокова, Э.А. Шогенова // Электронный журнал «Кавказология». – 2019. – № 1. – С. 181–192. – URL: https://kbsu.ru/wp-content/uploads/2019/04/havzhokova_shogenova_kavkazologija_2019_1.pdf (дата обращения: 23.03.2024). (личный вклад 0,5 п.л.)

16. Хавжокова, Л.Б. Сонет о сонете в кабардинской литературе: особенности жанра / Л.Б. Хавжокова, Э.А. Шогенова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12, №. 3. – С. 427–431. (личный вклад 0,3 п.л.)

17. Хавжокова, Л.Б. Сонеты Мусарби Сокурова как первые опыты освоения жанра в кабардинской литературе / Л.Б. Хавжокова, Э.А. Шогенова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2019. – Вып. 1 (232). – С. 145–150. (личный вклад 0,3 п.л.)

18. Хавжокова, Л.Б. Художественные особенности поэзии Бетала Куашева: система образов, идиостиль, поэтика (К 100-летию со дня рождения поэта) = КӀуаш БетӀал и усыгъэм хэль художественнэ щхъэхуэныгъэхэр: образ къэгъэщӀыкӀэр, тхыгъэхэм я бээр, поэтӀкӀэр (усакӀуэр къызыэралъхурэ илъэси 100 щрикъум ирихълӀу) [на каб.-черк. яз.] / Л.Б. Хавжокова, Ф.С. Бейтуганова // Электронный журнал «Кавказология». – 2020. – № 4. – С. 294–306. – URL: https://kbsu.ru/nauchnye-izdaniya/zhurnal-kavkazologiya/kavkazologija-2020-4__soderzhanie/havzhokova-l-b-bejtuganova-f-s-hudozhestvennye-osobennosti-pojezii-betala-kuasheva-sistema-obrazov-idiostil-pojetika-k-100-letiju-so-dnja-rozhdenija-pojeta/ (дата обращения: 23.03.2024). (личный вклад 0,7 п.л.)

19. Хавжокова, Л.Б. Эволюция венка сонетов в адыгской литературе: эстетика поэтики // Электронный журнал «Кавказология». – 2020. – № 1. – С. 280–293. – URL: https://kbsu.ru/wp-content/uploads/2020/04/havzhokova_kavkazologija_2020_1.pdf (дата обращения: 23.03.2024). (1 п.л.)

20. Хавжокова, Л.Б. Жанр баллады в кабардинской литературе: генезис и эволюция = Балладэ жанрыр къэбэрдей литературэм: зэрызэфӀуэвамрэ зэрызиужьамрэ [на каб.-черк. яз.] / Л.Б. Хавжокова, Р.С. Атласкирова // Электронный журнал «Кавказология». – 2021. – № 4. – С. 246–259. – URL: https://kbsu.ru/nauchnye-izdaniya/zhurnal-kavkazologiya/kavkazologija-2021-4__soderzhanie/havzhokova-l-b-atlaskirova-r-s-zhanr-bal

lady-v-kabardinskoj-literature-genezis-i-jevoljucija/ (дата обращения: 23.03.2024). (личный вклад 0,7 п.л.)

21. Хавжокова, Л.Б. О некоторых особенностях становления адыгской литературы // Электронный журнал «Кавказология». – 2021. – № 1. – С. 194–207. – URL: https://kbsu.ru/nauchnye-izdaniya/zhurnal-kavkazologiya/kavkazologija-2021-1__soderzhanie/havzhokova-l-b-o-nekotoryh-osobennostjah-stanovlenija-adygskoj-literatury/ (дата обращения: 23.03.2024). (1 п.л.)

22. Хавжокова, Л.Б. Некоторые особенности индивидуально-авторского стиля Утижева-поэта / Л.Б. Хавжокова // Известия СОИГСИ. – 2021. – № 41 (80). – С. 81–90. (0,8 п.л.)

23. Хавжокова, Л.Б. Содержательные и структурно-композиционные особенности произведения «Песнь» Б. Утижева / Л.Б. Хавжокова, Р.С. Атласкирова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – Т. 14, № 8. – С. 2346–2350. (личный вклад 0,3 п.л.)

24. Хавжокова, Л.Б. Эстетика поэтики лирических и лиро-эпических произведений Бетала Куашева / Л.Б. Хавжокова, Ф.С. Бейтуганова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – Т. 14, № 10. – С. 2958–2962. (личный вклад 0,3 п.л.)

25. Хавжокова, Л.Б. Поэзия Анатолия Бицуева: основные мотивы, жанровая система = Бицу Анатоле и усыггэр: мотив нэхъыщхъэхэр, жанр системэр [на каб.-черк. яз.] / Л.Б. Хавжокова // Электронный журнал «Кавказология». – 2022. – № 3. – С. 404–416. – URL: <https://kbsu.ru/nauchnye-izdaniya/zhurnal-kavkazologiya/kavkazologija-2022-3-soderzhanie/kavkazologija-2022-3-hjevzhokuje-l-b/> (дата обращения: 23.03.2024). (1 п.л.)

26. Хавжокова, Л.Б. Архитектонические формы адыгского стиха: к вопросу о строфической структуризации / Л.Б. Хавжокова // Успехи гуманитарных наук = Modern Humanities Success. – 2023. – № 3. – С. 154–158. (0,4 п.л.)

27. Хавжокова, Л.Б. Метрика адыгского стиха: специфика освоения силлабо-тонических размеров / Л.Б. Хавжокова // Филология и культура = Philology and Culture. – 2023. – № 1 (71). – С. 144–148. (0,4 п.л.)

28. Хавжокова, Л.Б. Метрико-рифмовочная система адыгского стиха: проблемы становления и развития / Л.Б. Хавжокова // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 1. – С. 253–266. – URL: <https://kbsu.ru/nauchnye-izdaniya/zhurnal-kavkazologiya/kavkazologija-2023-1-soderzhanie/kavkazologija-2023-1-havzhokova-l-b/> (дата обращения: 23.03.2024). (1,2 п.л.)

29. Хавжокова, Л.Б. Рифма в адыгской версификации: специфика «двойного рифмования» и освоение концевой рифмы / Л.Б. Хавжокова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – Т. 16, № 3. – С. 719–724. (0, 5 п.л.)

30. Хавжокова, Л.Б. Поэтика лирики Б. Куашева как новаторское явление в адыгской поэзии / Л.Б. Хавжокова, Ф.С. Бейтуганова // Известия СОИГСИ. – 2023. – № 47 (86). – С. 76–87. (личный вклад 0,4 п.л.)

31. Хавжокова, Л.Б. Поэтика сонетов Руслана Ацканова: традиции и новаторство / Л.Б. Хавжокова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2023. – Вып. 1 (312). – С. 36–45. (0,7 п.л.)

32. Баков, Х.И. Особенности отражения национальной ментальности в адыгской литературе / Х.И. Баков, Л.Б. Хавжокова // Известия СОИГСИ. – 2024. – № 51 (90). – С. 115–127. (личный вклад 0,3 п.л.)

33. Хавжокова, Л.Б. Версификация как жанрообразующий фактор в венке сонетов «Верен любви» М. Бемурзова / Л.Б. Хавжокова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2024. – Т. 17, № 4. – С. 1217–1222. (0,6 п.л.)

34. Хавжокова, Л.Б. Формы свободного стиха в творчестве Зарины Кануковой (на материале сборника «Хэку/Родина») / Л.Б. Хавжокова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2024. – Т. 17, № 5. – С. 1398–1403. (0,6 п.л.)

V. Статьи в других научных журналах и сборниках:

35. Хавжокова, Л.Б. Жанрово-стилевое своеобразие лирики Хабаса Бештокова / Л.Б. Хавжокова // Актуальные проблемы общей и адыгейской филологии: материалы VIII междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения профессора З.И. Керашевой (Майкоп, 16–17 мая 2013). – Майкоп, 2013. – С. 373–375. (0,2 п.л.)

36. Хавжокова, Л.Б. Особенности поэтической и творческой индивидуальности Лиуана Губжокова / Л.Б. Хавжокова // Всеобщая история. – 2013. – № 9. – С. – 48–50. (0,2 п.л.)

37. Хавжокова, Л.Б. Эстетика и поэтика философских медитаций в афоризмах Сафарби Бейтуганова / Л.Б. Хавжокова // Всеобщая история. – 2014. – № 3. – С. 10–13. (0,2 п.л.)

38. Хавжокова, Л.Б. Лингвохудожественный анализ поэтики стихов Хабаса Бештокова / Л.Б. Хавжокова, З.Р. Хежева // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2-1. – С. 407. (личный вклад 0,2 п.л.)

39. Хавжокова, Л.Б. Этноментальный код поэзии Нелли Лукожевой / Л.Б. Хавжокова // Национальные образы мира в художественной культуре: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 85-летию со дня рождения Г.Д. Гачева (Нальчик, КБГУ, 24–26 октября 2014 г.). – Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2015. – С. 324–331. (0,3 п.л.)

40. Хавжокова, Л.Б. Лингвистические особенности языка поэзии Хабаса Бештокова / Л.Б. Хавжокова // Кавказские языки: генетико-

типологические общности и ареальные связи: тез. докл. V Междунар. науч. конф., посвящ. памяти К.П. Услара (Махачкала, 2–3 июня, 2016 г.). – Махачкала, 2016. – С. 166–168. (0,2 п.л.)

41. Хавжокова, Л.Б. Поэтика стихов Латмира Пшукова / Л.Б. Хавжокова, А.Х. Буранова // Социально-культурная трансформация народов Северного Кавказа в российском цивилизационном пространстве (1917–2017 гг.): взгляд сквозь столетие: сб. науч. ст. по материалам регион. науч. конф. (Нальчик, 29 июня 2017 г.). – Нальчик: Издат. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. – С. 163–170. (личный вклад 0,3 п.л.)

42. Хавжокова, Л.Б. Лингвопоэтическое исследование стихов кабардинских поэтов / Л.Б. Хавжокова // Культурное наследие древних и национальных языков в период глобализации: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / науч. ред. И.В. Томашева; отв. ред. Е.А. Соболева. – Армавир: РИО АГПУ, 2018. – С. 255–262. (0,7 п.л.)

43. Хавжокова, Л.Б. Становление кабардинской женской поэзии = Къэбэрдей бзылхугъэ усыгъэм и зыужьыкIэр (Зэгъэщтокъуэ Л., Лыкъуэжъ Н., Бэлагъы Л. сымэ я усыгъэм и шапхъэкIэ) [на каб.-черк. яз.] / Л.Б. Хавжокова // Псалъ. – 2018. – № 15 (18). – С. 58–65. (0,7 п.л.)

44. Хавжокова, Л.Б. Становление и эволюция сонета в кабардино-черкесской поэзии / Л.Б. Хавжокова, Э.А. Шогенова // Кавказская филология: история и перспективы. К 90-летию Мухадина Абубекировича Кумахова: сб. науч. ст. – Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН, 2019. – С. 438–448. (личный вклад 0,5 п.л.)

45. Хавжокова, Л.Б. К проблеме разграничения сонета и четырнадцатистроичника в кабардинской поэзии / Л.Б. Хавжокова, Э.А. Шогенова // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. – 2019. – № 1 (40). – С. 106–111. (личный вклад 0,4 п.л.)

46. Хавжокова, Л.Б. Эволюция венка сонетов в адыгской (кабардино-черкесской) литературе / Л.Б. Хавжокова, Э.А. Шогенова // Социально-культурная и историческая общность Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии: традиции, современность, перспективы развития: материалы межрегион. конф. с междунар. участием. – Черкесск; Карачаевск: Изд-во КЧГУ, 2019. – С. 294–299. (личный вклад 0,3 п.л.)

47. Хавжокова, Л.Б. Архитектоника баллад Анатолия Бицуева: к вопросу об освоении жанра / Л.Б. Хавжокова, Р.С. Атласкирова // Доклады Адыгской (Черкесской) Международной академии наук. – 2021. – № 3. – С. 82–87. (личный вклад 0,3 п.л.)

48. Тхагазитов, Ю.М. Структура художественного пространства в поэзии Зубера Тхагазитова / Ю.М. Тхагазитов, Л.Б. Хавжокова, М.Б. Канукоева // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. – 2021. – № 2 (49). – С. 85–92. (личный вклад 0,2 п.л.)

49. Хавжокова, Л.Б. Эволюционные ориентиры адыгской поэзии конца XX – начала XXI в. / Л.Б. Хавжокова // Фольклорный текст: рубеж тысячелетий: сб. ст. – Нальчик: Принт Центр, 2021. – С. 241–247. (0,3 п.л.)

50. Хавжокова, Л.Б. Жанр баллады в творчестве Б. Утижева / Л.Б. Хавжокова, Р.С. Атласкирова // Человек. Писатель. Ученый. Творческая индивидуальность Б. Утижева (к 80-летию со дня рождения). – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2021. – С. 97–103. (личный вклад 0,3 п.л.)

51. Хавжокова, Л.Б. К вопросу о разграничении сонета и четырнадцатистроичника (на примере произведений Б. Куашева и Б. Утижева) / Л.Б. Хавжокова, Ф.С. Бейтуганова // Человек. Писатель. Ученый. Творческая индивидуальность Б. Утижева (к 80-летию со дня рождения). – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2021. – С. 86–92. (личный вклад 0,3 п.л.)

52. Хавжокова, Л.Б. Поэзия Б. Утижева: проблема формирования идиостиля поэта / Л.Б. Хавжокова // Человек. Писатель. Ученый. Творческая индивидуальность Б. Утижева (к 80-летию со дня рождения). – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2021. – С. 50–60. (0,7 п.л.)

53. Хавжокова, Л.Б. О некоторых особенностях художественной организации поэтического текста в творчестве Бетала Куашева / Л.Б. Хавжокова, Ф.С. Бейтуганова // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. – 2021. – № 3 (50). – С. 137–143. (личный вклад 0,4 п.л.)

54. Хавжокова, Л.Б. Баллады Заура Налоева: к проблеме освоения жанра = Нало Заур и балладэхэр: жанрыр къызэрыгъэЭэрыхуам и ИуэхукIэ [на каб.-черк. яз.] / Л.Б. Хавжокова, Р.С. Атласкирова // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. – 2021. – № 3 (50). – С. 144–150. (личный вклад 0,3 п.л.)

55. Хавжокова, Л.Б. Адыгская поэзия нового времени: проблемы и перспективы развития / Л.Б. Хавжокова // Евгений Шварц и проблемы развития отечественной литературы XX века: материалы Всерос. науч. конф., г. Майкоп, 21–23 октября 2021. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2021. – С. 159–164. (0,4 п.л.)

56. Хавжокова, Л.Б. Этнокультурный код поэзии М. Бемурзова / Л.Б. Хавжокова // Бемурзовские чтения-2021: материалы науч.-практ. конф. с междунар. участием. – КЧР, Хабез, 2021. – С. 156–163. (0,4 п.л.)

57. Хавжокова, Л.Б. Адыгская литература периода Великой Отечественной войны и первых послевоенных десятилетий: проблемы эволюции / Л.Б. Хавжокова // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2021. – № 3 (101). – С. 140–146. (0,5 п.л.)

58. Хавжокова, Л.Б. История адыгской литературы 60–80-х годов XX века: тенденции эволюции / Л.Б. Хавжокова // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2021. – № 5 (103). – С. 125–136. (0,8 п.л.)

59. Хавжокова, Л.Б. Современная адыгская литература: тенденции и перспективы развития / Л.Б. Хавжокова // Вестник Академии наук Чеченской Республики. – 2022. – № 1 (56). – С. 119–126. (0,6 п.л.)

60. Хавжокова, Л.Б. Творчество Мухадина Бемурзова как этнокультурный феномен / Л.Б. Хавжокова // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. – 2022. – № 2 (53). – С. 95–100. (0,4 п.л.)

61. Тхагазитов, Ю.М. Поэзия Зубера Тхагазитова в контексте кабардинского историко-культурного процесса / Ю.М. Тхагазитов, Л.Б. Хавжокова, М.Б. Канукоева // Культурное единство и эстетическая уникальность литератур народов России: сб. науч. ст. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2022. – С. 234–250. (личный вклад 0,2 п.л.)

62. Хавжокова, Л.Б. Специфика метрико-ритмической и рифменно-строфической организации поэтических произведений Латмира Пшукова / Л.Б. Хавжокова // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. – 2023. – № 1 (56). – С. 99–107. (0,7 п.л.)